

КИРИЛЛ АНДРЕЕВ

МИРЫ ОТВЕРЖЕННЫХ

ТАУРААН

Кирилл Андреев

Миры отверженных. Таураан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19195563

SelfPub; 2022

Аннотация

Кто мы и как появились на нашей планете? Почему мы решили, что Земля – это место, которое было предназначено именно для нас? Антропоморфная земноводная цивилизация талан, с умирающей планеты Таураан, спешит занять нашу планету, которая на звёздных межгалактических картах разумных существ отмечена как незанятая территория. Таланам надо успеть заселить эту планету, поскольку поблизости видели гестеиан, беспощадных разорителей созвездий. Но куда при этом девать людей, обитателей Земли? Попробовать жить вместе, рядом с ними? А может истребить их, чтоб не мешались под ногами? И почему молчит Творец, по чьей воле Земля стала планетой-изгоем, лишённой его покровительства? И вряд ли будут молча наблюдать тёмные силы преисподней, которые захотят извлечь выгоду из всей этой ситуации. Эта книга об истории дружбы и любви пятерых юных друзей, представителей разных галактик, волею судеб, попавших в жестокий период борьбы цивилизаций за планету Земля, которым предстоит решить судьбы своих народов.

Кирилл Андреев

Миры отверженных.

Таураан

История, основанная на реальных воспоминаниях.

Глава 1. Планета Таураан. Саав.

Саав, молодой таланский ученый биохимик планеты Таураан, ощущал себя явно не в своей тарелке. А попробуй, тут быть спокойным, когда завтра тебе предстоит делать важный доклад на заседании Совета, а особенно если ты узнаешь об этом буквально накануне. Саав понимал, насколько важна его работа, все эти лабораторные исследования, от которых зависело дальнейшее существование жителей планеты. Но почему именно сейчас такая спешка? И почему он об этом узнает в последний момент?

Решение проблемы выживаемости талан на Таураане назрело давно. Старая планета умирала, ее защитное поле основательно истощилось, и поверхность подвергалась частым метеоритным дождям. Со временем эту проблему решили, но пока это произошло, планету здорово потрепало. Запасы воды сильно истощились, и талан спасали лишь сезоны дождей. Хотя и они, столь долгожданные, становились все реже и реже.

Таланы тяжело переносили недостаток воды, но вовсе не из-за отсутствия достаточных питьевых запасов. С ними-то особых трудностей пока не возникало. Вопрос был в другом. Таланы хоть и были внешне антропоподобными, но они являлись земноводными существами, приспособленными к жизни одинаково как в воде, так и на суше. И вот слишком длительное пребывание вне водной среды, разрушало их иммунитет, и таланы становились весьма подверженными болезням.

Развитая наука и медицина, конечно, позволяли достаточно сносно переносить дефицит водного обитания, но окончательно обмануть свою природу, им всё же не удалось. Поэтому задача переселения на более пригодную для жизни планету, была наиважнейшей уже в течение многих поколений жителей Таураана.

Саав, нервничал в первую очередь не потому, что свой доклад он должен был делать на самом высоком уровне, вызвала тревогу сама внезапность этого мероприятия. Да, у него есть весьма обнадеживающие результаты, и буквально пару дней назад, он сообщал промежуточные итоги на закрытом ученом совете института. И судя по всему, эта информация как-то просочилась наружу, и вот его уже вызывают, с таким сырым и недоработанным материалом, на Совет. А ведь простите, еще не все клинические исследования были проведены до конца. Да и времени, чтобы отследить последствия вакцины, тоже прошло явно недостаточно.

Что и говорить, исследования в лабораторных условиях, не заменят настоящего широкомасштабного её применения, тем более что ни он, ни другие ученые, никогда ничего подобного не делали. Вернее, одна такая попытка была, еще на заре деятельности его предшественника, но она закончилось таким провалом, что исследования оказались вообще под угрозой закрытия, и только крайняя необходимость их проведения позволила их продолжить. Поэтому страха провала на докладе не было. Эту мысль Саав отметал сразу. Было раздражение, что на руках ещё не было окончательных и убедительных доказательств успешности полученной вакцины.

Таану и Ида, свою жену и сына, он видел крайне редко в последнее время, пропадая сутками в лаборатории, не успевая быть отмеченным, ни в качестве примерного мужа, ни в качестве хорошего отца. И вот, не далее как вчера, он клятвенно в который раз, пообещал жене провести выходные дома и обязательно поговорить с сыном, у которого в последнее время участились проблемы в общении со сверстниками. Ну и кто же знал, что его так внезапно вызовут на Совет, и именно в этот выходной день?

Вот, и сейчас, перед отходом ко сну, он долго рассказывал своему десятилетнему сыну о том, что во Вселенной существуют и другие планеты, на которых, в отличие от Таураана, бесконечно много воды. И о том, что они завтра, наконец, пойдут в аквазоо и смогут там поплавать вместе с водными

животными, о которых мальчик знал только из рассказов отца.

И тут Саав внезапно вспомнил об обещании, данном жене. Его лицо приобрело сердитое выражение лица. – Ну и что на этот раз послужило поводом для выяснения отношений?

Ид, с вызовом посмотрел на отца. – Они опять смеялись над нами и над нашим домом. Пап, а почему наш дом действительно такой? Ребенок немного замялся. – Ну, немного странный, не такой, как у всех.

Появившаяся в спальне Таана, тут же встряла в разговор. – Ид, просто твой отец помешан на культуре созвездия Млечного пути. Вот он и перестроил всё по своему вкусу.

Саав улыбнулся и развёл руками. – Что есть, то есть. Возражать бессмысленно.

Ид схватил руку отца, снова привлекая к себе его внимание. – Пап, а мы завтра точно пойдем в аквазоо? Я ведь только один раз там был. Но это было так давно, что я уже совершенно ничего не помню.

– Зато я очень хорошо помню, – бросила Таана, выходя из комнаты, – и помню, чем всё это закончилось.

Саав улыбнулся. – Да-да, Ид, конечно. Я же тебе обещал. Более того, мы все туда пойдем.

– Что, и мама тоже? Ид с удивлением уставился на отца.

Таана также застыла в дверях. – Саав, ты это сейчас серьезно? Зачем так словами бросаться? Ты меня не разыгрываешь?

У жены вытянулось от удивления лицо. – Нет, ты что серьёзно? Подожди, если ты скажешь, что ты пошутил, я сильно на тебя обижусь. Такими вещами не шутят? Она буквально застыла, но ее внезапно задрожавшая нижняя губа выдавала ее напряжение.

Саав хотел еще затянуть паузу, но уже был не в силах сдержать довольную улыбку. – Если бы вы только знали, чего это мне всё стоило?

Таана завизжала от радости и кинулась к Сааву. Она прижалась к нему и начала тереться носом о его нос. Ид отвернулся. – Фу, как вы только можете это делать при мне? А ну, быстро выходите из моей комнаты.

Саав улегся спать в кабинете, но так и не смог заснуть. Легкое волнение перерастало в более серьезные формы, и в результате сон к нему, так и не пришел. Завтра и правда, был очень важный день. Хотя чего он нервничает, в самом деле? Ему же есть что предъявить. Прогресс действительно был несомненный. Особенно после того, как в лабораторию впервые привезли живое существо с неизвестной далёкой галактики.

Существо оказалось женского пола, и оно было почти в два раза ниже обычного взрослого талана. Существо было очень напугано и смотрело на всех жалобными глазами, и Саав намучился с ним, особенно на первых порах, пытаясь завоевать его доверие. Исследуемый экземпляр был помещен в отдельную биокамеру, и доступ к нему был у очень

узкого круга лиц. Но в результате доброго к нему отношения, существо вскоре уже не проявляло признаков страха, привыкнув, как к самой обстановке, так и к самому учёному. Самка с интересом заглядывала ему в глаза, заговаривая с ним на каком-то своем языке. Саав подумывал, что может ему стоит пройти курсы изучения этого языка, потому что хотелось бы знать, о чём же может говорить этот экземпляр другой расы, стоящий на заведомо низшей ступени развития, чем таланы.

Но пару недель назад, он обнаружил ее мертвой, лежащей в неестественной позе в своей биокамере. Она явно умирала в муках. Как это могло произойти, ведь буквально накануне он оставлял её в веселом расположении духа. И он мог поклясться, что он не давал ей никаких препаратов. Может, это была её реакция на еду, которую он принёс из дома? Но он ведь и раньше так делал. Так что этот вариант отпал. И только после взятия анализов, была понятна истинная причина ее страшной смерти. Тестер обнаружил в её крови слишком большой процент чистых эритроцитов таланской крови, что и послужило конфликтом с её родными эритроцитами, приведшего к смертельному исходу. Но кому это понадобилось?

Саав подозревал, что это сделали его противники из «дружественных» лабораторий, которые не смогли смириться с его успехами, но прямых доказательств, чтобы обвинить их в этом, у него не было. Расследование вынесло вердикт, –

трагическая ошибка в связи с халатностью руководителя лаборатории, то есть его ошибкой. Саав с негодованием отверг эти доводы, но вердикт остался без изменений. И только непосредственно сами успехи Саава с вакциной, позволили смягчить эту формулировку на более мягкую – «локальная неудача».

Наступило утро. Саав думал выскочить из дома тихо, чтобы не разбудить домашних, но у самого выхода его уже ждала Таана. Она выглядела очень заспанной, но между тем её вид был очень серьёзен. – Только попробуй не придти вовремя, мальчик ведь так долго этого ждал.

Саав хотел было сказать о важности сегодняшнего события, но Таана жестко пресекла всякие его попытки оправдаться. – И слушать ничего не хочу. Она развернулась и ушла в свою комнату.

Саав вышел из дома. На улице неожиданно пошел морозящий дождь. Сезон дождей должен был вот-вот начаться, и его все с нетерпением ожидали. Но сегодня, его никак не ожидали.

– Вот это подарок, – подумал Саав. – Это хороший знак, значит, сегодня у всех будет хорошее настроение, и к его докладу уже не будут особо цепляться.

До места назначения он решил пройти пешком, не вызывая шаттл. Это было слишком большим искушением, не вдыхать всеми порами своего тела, живительную влагу, висящую в воздухе.

Дождь была самой любимой погодой на Таураане. В период дождей зеленоватая кожа насыщалась влагой и приобретала лазурно-голубоватый оттенок, что делала таланок, еще более привлекательными. Саав поймал себя на мысли, что обращает внимание на проходящих мимо таланок, искренне радующихся дождю. Головные уборы и накидки, что предохраняли кожу от обжигающего светила, убирались далеко в сторону. Таланки распускали свои волосы и наслаждались тем, что взоры мужчин были прикованы к ним. А для талана волнительней образа, чем таланка, погруженная в водную стихию, невозможно было даже и представить.

Таану, совсем еще молодой, он впервые увидел, именно в этот период дождей, и уже тогда от неё невозможно было оторвать глаз. Да и сейчас, она необыкновенно расцвела как женщина, и Саав понимал это, ловя на ней восхищенные взгляды своих соплеменников. Он помотал головой, как бы отгоняя от себя видения, стараясь развеять благостное состояние, и попытался снова настроиться на серьезную волну.

Весь погруженный в думы о предстоящем докладе, и в то же время, радуясь, как ребенок, идущему дождю, Саав не заметил, что пришел к Дворцу собраний, прямо вприпрыжку к назначенному времени. Но когда он зашел в зал Совета, то неожиданно для себя обнаружил, что заседание уже началось и, судя по всему, достаточно давно. Такого высокого кворума он еще никогда не видел. Кроме Правителя, там присутствовали не только все члены верховного науч-

ного ареопага, но также и члены высшей обороны, включая его давнего главного критика и недоброжелателя, главнокомандующего Аркенаара. Вот уж кого действительно меньше всего хотелось бы сегодня видеть, так это именно его. Да и с какой стати, военные здесь присутствуют? Это ведь именно «благодаря» позиции Аркенаара, исследования, которые проводила лаборатория Саава, подвергались постоянным упрекам и нападкам. Значит, придётся сегодня защищаться. Благостное настроение Саава тут же улетучилось.

Хотя и со стороны учёных мужей, также вряд ли можно было ожидать одобрительных взглядов, ведь все они были руководителями конкурирующих проектов. Планета, которой занимался Саав, давно уже прослыла в бесперспективных. Именно из-за своей агрессивной биосреды, и потому другие лаборатории, параллельно разрабатывали новые направления в других Галактиках. Но их работы находились на таких ранних стадиях, что говорить об их серьёзности как соперников, пока не приходилось. Зато у них было большое преимущество перед Саавом, не было такой отрицательной истории исследований, которая была у планеты Саава.

Верховная правительница Амун, увидев входящего Саава, одобрительно кивнула ему. – Ну вот, наконец-то мы слушаем и биохимиков. Давайте, давайте Саав, мы Вас уже давно ждём.

Сааву передали видеоуказку, и он замахал ею перед собой. В воздухе возникло трехмерное изображение галакти-

ки "Млечный путь". Саав несколькими взмахами увеличил и приблизил изображение, пока не появилась Солнечная система, и восемь планет вокруг неё. Саав ткнул на третью планету от Солнца.

– Итак, – начал Саав и закашлялся, – Земля. Планета в Солнечной системе, созвездия Млечного пути. Её удельная масса составляет...

Раздался смешок, который принадлежал Аркенаару. – Может быть, как-нибудь обойдёмся без этой вступительной части? Все и так прекрасно понимают, о чём здесь идет речь.

Саав усилием воли подавил в себе желание, столь же колко ответить этому напыщенному самодовольному вояке. Нет, не стоит начинать свой доклад с препирательств, ведь это выставит его в невыгодном свете, а у него и так есть прекрасные аргументы, в защиту своей позиции.

– Хорошо, я пропускаю вводную часть. Как мы все помним, последние успехи испытания вакцины были еще у моего предшественника, хотя в итоге и они закончились не совсем удачно.

– А может, скажем прямо, полным провалом? Может, хватит называть успехом свои поражения? Аркенаар, судя по всему, вознамерился «топить» Саава, с самого начала.

Главнокомандующий продолжал, – И зачем нам слушать сказки про вашего предшественника? Он хмыкнул. – Может поговорим о вас? Это не по вашей ли вине, погиб экземпляр, предоставленный с этой планеты? А ведь уважаемая Аму

знает, каких трудов нам стоило привезти его сюда. И какому риску мы подвергали всю экспедицию, привозя этот сгусток микробов и болезней, эту землянку? – не унимался Аркенаар, под одобрительный гул членов военного совета.

Саава захлестнуло негодование, – Но я уже объяснял, что моей вины там совершенно нет, и я не мог это ... Саав внезапно остановился, оттого что до него дошло вышесказанное Аркенааром. Землянка! Точно, это ведь точно была жительница Земли. Как же он сразу об этом не догадался? Хотя как он мог догадаться, если он вживую ни разу не видел представителей этой планеты и ему просто предоставили это существо для проведения исследований на ней. Теперь понятно, почему у него сразу пошли положительные результаты с вакциной. Он наконец-то тестировал не на схожих с ними антропоподобных существах, а именно на самом оригинале, живом представителе этой планеты.

Но тут уже начали возмущаться члены ученого совета. Они хоть и были соперниками, но из чувства корпоративной солидарности, решили поддержать коллегу. В общий гул и поток взаимных обвинений вмешалась правительница Амун. – Мы уже отлично знаем точку зрения членов военного совета. Мы же её только что подробно и внимательно выслушали. Не так ли, Аркенаар? Думаю, мы не будем тратить время на повторы.

Тон Правительницы исключал дальнейшие споры, и все разом смолкли. – Прошу вас, продолжайте, – кивнула она в

сторону Саава.

В голове у Саава промелькнула мысль. – А его ведь пригласили не к началу всего совещания, а всего лишь к моменту его собственного выступления. И может его доклад теперь лишь формальность, и от него ничего уже не зависит, и что у Совета уже есть готовое решение. Но нет, так быстро он не сдастся.

– Так вот, – продолжил Саав, – последняя вакцина, о которой я имею честь вам докладывать, дала очень обнадеживающие результаты. В наших лабораторных условиях тестовые образцы живой ткани провели после вакцинации неполных две недели и ни в одном из них, пока не выявлено не только никаких отклонений, но даже никаких побочных явлений.

– Пока. Это только пока, – раздраженно бросил Аркенаар, – а кто даст гарантию, что это не начнётся завтра?

Саав повернулся к военному, – Да, у меня пока нет гарантии, что завтра или послезавтра может пойти что-то не так, но позвольте вам всем напомнить, что к подобным результатам и близко никто не подбирался за всё время исследований.

Амун нахмурилась. – Но вы же понимаете, Саав, что есть разница в опытах здесь, и что будет в реальности, там. Мы не можем позволить себе повторить ошибки ваших предшественников.

– Хотя, – Амун задумалась, – двух недель нам, возможно, может и хватить, – и она посмотрела в сторону военных. –

Я правильно говорю? Аркенаар утвердительно махнул головой.

Саав решил бить наверняка, показав всем, что он уверен в своих результатах. – Я думаю, что стоит отправить экспедицию на Землю и попробовать в настоящих условиях мою вакцину. И я лично готов испытать это на себе.

И тут Саав остановился, вспомнив о странной фразе Амун, и уставился на правительницу. – Подождите, а на что же нам должно хватить две недели?

Амун обвела глазами всех находящихся в зале. – Думаю, у нас просто нет на это больше времени.

Правительница поднялась и подошла к голографической карте. – Сегодня ночью, мы получили данные от косморазведгрупп. В районе галактики Млечный Путь, вашей галактики, Саав, вашей, были замечены поисковые группы гефестиан. У нас, конечно, нет подтверждений, что они там находились по поводу Земли, и возможно, что они там просто случайно оказались, но ни у кого не должно быть никаких иллюзий насчет их настоящих намерений. Мы все должны прекрасно понимать, что произойдет, если гефестиане узнают о Земле, и попадут туда первыми. Об их «подвигах» знают во многих галактиках, и на их совести, уже не один десяток, разграбленных и опустошенных планет. И наше счастье, что гефестиане никогда не слышали о нас, ибо всех нас постигла бы та же участь.

– Так вот, Саав, поясняю по поводу двух недель. Хоть у

нас есть и некоторые другие варианты для переселения, но по ним у нас нет достаточной ясной базы исследований. Ни по геодезии, ни по биосфере, которая может оказаться для нас неприемлемой. И поэтому, поскольку других вариантов у нас сейчас нет, то я, руководствуясь, вверенной мне властью, и логикой наступивших событий, принимаю следующее решение. Мы незамедлительно отправляем военно-космический флот на Землю, с целью занять там важные стратегические точки, чтобы опередить гегестиан, в случае их возможного появления. И если вакцина, окажется действительно успешной, то мы будем готовить талан к переселению на Землю. Другого шанса у нас может и не быть. Вот почему мы так спешим.

Правительница повернулась в сторону онемевшего Саава. – Попрошу наших биохимиков и биологов, в кратчайшие сроки провести экстренную вакцинацию всех, кто будет участвовать в данной экспедиции.

Аркенаар резко встал. – Но мы пока не знаем, как поведет себя эта вакцина. Тогда будет справедливо взять с собой, и Саава, скажем, вместе с его семьей. Ведь если он так уверен в своих исследованиях, пусть он это докажет на собственном примере. Если он готов рискнуть своей семьей, тогда и мы сможем рисковать десятками тысяч жизней наших солдат.

Амун утвердительно кивнула. – Это вполне справедливо. Принято. Саав должен отправиться, вместе с вами. Или вы, Саав, всё же не настолько уверены в своих результатах,

чтобы сделать это? – спросила она, внимательно наблюдая за реакцией биохимика.

– Правительница, – начал было приходить в себя Саав, – в своих последних тестах я, конечно, уверен, но для чистоты исследования, может вначале пока отправить только меня, а потом уже принимать какое-то решение.

Амун категорически покачала головой. – У нас уже нет на это времени. Будете продолжать свои исследования, непосредственно в земных условиях. А если поедете вместе со своей семьей, то вы покажете всем, что уверены в успешности вакцины. И это вселит во всех уверенность. Поэтому Саав, вы рискуете не только семьей, вы рискуете всей нашей цивилизацией. Вы сами должны понимать, что теперь мы все зависим от вас.

Саав машинально кивнул, соглашаясь с доводами Амун, пытаясь переварить всё на него свалившееся.

Правительница улыбнулась. – Вот и отлично, Саав. А теперь вы можете сообщить об этом своей семье. А я пока убедительно прошу всех присутствующих, что информацию, услышанную здесь, нигде не распространять. Я сама скоро выступлю, с обращением к талантам.

Саав вышел из зала Верховного совета. Он был очень растерян, и в нём боролись противоречивые чувства. Он, наконец-то, сможет попасть на то место, где можно в настоящих условиях проверить всё, чем он занимался, но с другой стороны, цена возможной ошибки была огромной. Но то, что

спешить надо было, он также понимал и был согласен в этом с Правительницей. О гефестианах он, конечно, был наслышан, и тут Амун была права. Если те действительно туда сунутся первыми, то о переселении можно будет забыть навсегда.

Когда Саав вышел, Амун обратилась к присутствующим. – Кстати, все члены высшего научного совета тоже могут быть свободны. Вы знаете, что необходимо делать, и вся вакцинация участников экспедиции теперь на вас. И оставьте, пожалуйста, все ваши подковёрные интриги и склоки в сторону. Попрошу обеспечить Саава всеми необходимыми ресурсами и полномочиями. Пора насмешек над ним уже прошла. Теперь мы все зависим от него. А теперь, я попрошу здесь остаться лишь членов совета высшей обороны.

Когда все учёные вышли, Амун подошла к окну. За окном шел мелкий морозящий теплый дождь.

Амун провела пальцем по стеклу, – Такой чудный день, не правда ли? В такую пору, мне кажется, что может и не стоит вообще ничего менять. В это время Таураан так восхитительно прекрасен. Жаль, что это случается всё реже и реже.

Амун замолчала. Все затаились, предчувствуя, что правительница еще сомневается в том решении, которое она только что приняла.

Правительница повернулась от окна. – Аркенаар, а вы действительно настаиваете на полном истреблении землян?

Неужели у нас нет другого выхода? И что нам делать с остальными представителями этой биосферы?

Аркенаар вскочил, становясь лиловым от гнева. – А разве кто-нибудь спрашивал об этом наших праотцев, когда им пришлось покинуть свою планету, и скитаться в безбрежном космосе в поисках нового пристанища? Верховная правительница, я думаю только о судьбах моих бедных соотечественников, и ради них я готов пожертвовать не только жизнью землян, но и свою.

– А как на всё это посмотрит Творец? – тихо спросила Амун.

– А как он смотрит на то, что творят гестифиане? Как он позволяет им вообще существовать? Перестаньте, Правительница, мы обязаны думать только о самих себе. Да и сам Творец, давно уже забросил наши измерения. Он давно предоставил нам самим решать проблемы своего существования, и до нас ему, совершенно нет никакого дела. Я, конечно, не понимаю, почему мы так цепляемся к варианту Земли, как нашего нового пристанища, но я вижу, что других достойных вариантов у нас сейчас действительно нет, поэтому безропотно выполню все ваши поручения. А что касается остальных звеньев биосферы, кроме этих, якобы «разумных» существ – землян, то они не представляют для нас хоть какой-либо серьезной опасности. По крайней мере, на сегодня у меня нет сведений, свидетельствующих об обратном.

Амун произнесла уставшим, еле слышным голосом. – Я

услышала вас, Аркенаар. Ну что, вы уже определились с точками высадки и контроля?

Генерал вытянулся. – Да, Верховный Правитель. На данный момент на Земле пока существует, только один развитый центр силы, который может дать нам хоть какой-нибудь отпор, хотя это сложно будет назвать серьезным препятствием. Также мы сразу начнём устанавливать точки защиты, по всему периметру этой планеты, который создадут щит, аналогичный тому, который сейчас стоит на Таураане.

Правительница слегка помотала головой. – На вашем месте Аркенаар, я бы особо не обольщалась насчет щита. На нас не нападают только лишь потому, что наша планета при взгляде из космоса, уже давно не представляет никакой привлекательности для любого возможного захватчика. И защита от метеоритных дождей, это еще не полноценная защита от серьезных врагов. Амун, нахмурившись, замолчала.

– Правительница, так какой всё-таки будет ваш ответ, насчет землян? Аркенаар после выраженных сомнений в его талантах военачальника, выказывал нотки неудовольствия.

Амун тяжело выдохнула, – Хорошо, я ещё подумаю над этим. Только об этом возможном, я повторяю возможном, развитии событий, лучше пока никому ничего не знать.

– Правительница, это знает только руководство Верховного совета по обороне и вы. Воинским соединениям решение будет донесено только при полёте к месту назначения.

Амун еле заметно кивнула. – Хорошо, все свободны. Я

позже сообщу о своем решении.

Глава 2. Предместья Рима. Тэсия и Неро.

Римская империя. Конец мая 455 года н.э. Лация, предместья Рима. Поместье полководца Леонтия, тридцати семи лет от роду.

Леонтий в результате дворцовых интриг оказался не нужен правящему василевсу, вследствие чего был отстранён от несения военной службы, и ныне находился в отставке, и по этой причине проводил всё время с семьей в этом загородном поместье.

Майский день подходил к концу, и солнце уже было готово скрыться за горизонтом. На открытой террасе за ужином сидели сам глава семейства, массивный широкоплечий мужчина, его супруга Лидия, и специально прибывший из Рима гость, священник Дарион. На следующий день были намечены празднования, посвящённые десятилетней годовщине рождения единственной наследницы супружеской четы, Тэсии, ради чего и прибыл святой отец из столицы. Сразу после празднования Леонтий должен был отправиться в Рим. По городу ползли слухи, что король вандалов Гейзерих может оказаться в Риме, и что его военные суда в несметном количестве уже отплыли из Карфагена. Поговаривали, что сама Евдоксия, бывшая жена убитого василевса Валентиниана, а ныне ставшая супругой нынешнего василевса Максима, сама и позвала Гейзериха, чтобы тот отомстил узурпатору за убийство её мужа.

Василевс Максим, окружив себя не самыми умелыми, но искусно поднаторевшими в дворцовых интригах полководцами, спешно искал для своей защиты всех тех, кто попал в немилость прошлому правителю. Вспомнили и о Леонтии. Храбрый воин, имевший немало побед в своей истории, не мог смириться с участью виноградаря и хлебопашца. Тоска от вынужденного безделья периодически сменялась периодами неконтролируемой злости. Но и в том, и в другом случае этому немало способствовало неумеренное потребление вина. И полученное сегодня утром сообщение, что он должен отбыть завтра в римские казармы, будоражило его кровь. Наконец-то о нём вспомнили.

Он хотел было, не мешкая, тут же отправиться в путь, сразу после получения депеши о немедленном прибытии в Рим, завизированной самим Максимом, но супруга Лидия резонно напомнила ему о том, как ранее с ним обошлись римские власти. И что на его месте лучше немного выждать, чтоб показать им, как он недоволен незаслуженной отставкой. Кроме того, ведь завтра такой большой праздник у его дочери.

Леонтий нехотя согласился с доводами супруги, но после празднования он сразу же отправится в Рим. Терпение василевса тоже не стоит чрезмерно испытывать, да и сам он уж больно долго засиделся здесь. Он готов уже на ссылку в какой-нибудь дальний гарнизон, чем постоянно выслушивать эти римские сплетни. Он примет любое назначение, только не сидеть здесь без дела, и потому сейчас мысли Леонтия бы-

ли довольно далеки от застольной беседы, и он почти не вступал в разговоры Лидии со священником Дарионом о предстоящих приготовлениях.

По сути, это была полностью её затея и вполне логично, что она ею и занималась. Лидия, в отличие от мужа, выбившегося в люди из семьи небольшого землевладельца, была хоть из не очень богатого, но весьма знатного римского рода и нахождение вне римской светской жизни для неё было невыносимо, и потому предстоящая церемония была для неё так важна.

Отец Дарион, молодой человек лет двадцати пяти, рано выбившийся в священнослужители, был весьма рад этому приглашению. Многие старшие по сану монахи отказались приехать к опальному Леонтию, но для Дариона это был шанс стать духовным лицом у такой знатной семьи, пусть сейчас и не очень обласканной властью.

Дарион, до сих пор ведущий беседу только с Лидией, решился привлечь внимание и главы семейства. – Леонтий, а это правда, что вандалы задумали поход на Рим?

Леонтий, которого наконец-то спросили о том, что ему может быть интересно, оживился и лениво махнул рукой. – Да, бросьте, святой отец. Глупые слухи. У нас с Гейзерихом мирный договор, ещё со времён Валентиниана. Хотя, – Леонтий недовольно поморщился, – после всех известных событий, с приходом во власть Максима, чёрт его знает, что на уме у этого вандала. Договор-то у него был с Валентини-

аном.

Дарион при упоминании чёрта поморщился и перекрестился. Леонтий продолжил, не обращая внимания на реакцию священнослужителя. – Но думаю, что это маловероятно. Гейзерих всё-таки умеет держать слово. А с другой стороны, боеспособной армии сейчас у Максима нет, как и нет тех, кто сможет ею управлять. Так что соблазн у вандалов, конечно, большой, напасть на ослабленный Рим.

Леонтий улыбнулся. – Отец Дарион, а может, вам не стоит вести такие разговоры с опальным воякой? Вас ведь и так в Риме по головке не погладят за ваш приезд сюда. Как я понял Лидию, никто же не захотел стать *pater familias* для нашей семьи. Зачем вам портить свою карьеру?

Дарион сложил руки перед собой. – Перед богом все равны. И богатый, и бедный, и свободный, и раб. Иисус, сын Божий, завещал нам любить всех божьих созданий, кем мы все и являемся, хвала Господу. И наш патриарх, августейший папа Лев Первый, неустанно говорит об этом. Все мы помним, как он смог заставить короля гуннов Атиллу воздержаться от насилия и грабежей. Верю, что его святейшество защитит нас и сейчас, и не допустит вандалов на наши земли. А я, скромный слуга Господа, прибыл сюда, чтобы покрестить вашу дочь. Это весьма богоугодное дело. Каждая душа должна попасть в господнее лоно, и он позаботится обо всех нас. И для меня, это большая честь – быть духовным наставником вашей семьи. Только позвольте узнать, как так случилось,

что ваша дочь достигла такого возраста, а крестить её вы решили только сейчас?

Леонтий громко засмеялся. – Видите ли, святой отец, это всё затея Лидии. Тэсия родилась не здесь, а очень далеко, на краю света, в далёких скифских землях. Тогда Лидия скиталась со мной по далёким и диким гарнизонам, а там, простите, не только римского, да и просто христианского священника, как вы понимаете, довольно трудно найти. Да и потом, как-то нам было совсем не до того. Да и хватало там своих, местных богов, хотя, правду говоря, я в них сильно путался.

Священнослужитель снова перекрестился. – Да это же язычники, дикари, как можно упоминать это вслух? Вот именно об этом я и хотел с вами серьёзно поговорить. Я узнал, что вы после обряда крещения будете проводить праздник языческих богов, так называемые секулярные игры. Простите, Леонтий, но это же какая-то насмешка над всем тем, к чему мы все готовимся завтра.

Леонтий вновь рассмеялся. – Святой отец, ну не переживайте вы так. Поймите, девочка очень долго, вернее, почти всю свою жизнь, провела вне римского уклада. У неё была кормилица гречанка, и та ей все уши прожужжала про Диану-охотницу, и мы все последние годы в конце весны проводили эти игры в её честь. Считайте, что это последний год таких игр, её прощание с детством. Тем более обещание об этом я ей дал давно, а я привык своё обещание сдерживать. Уж такие у меня правила, святой отец.

Леонтий, увидев приунывшего священника, решил его подбодрить. – Но вы не вешайте нос. Я уже завтра уеду, и вам уже никто не помешает заниматься своими прямыми обязанностями, приобщая всех к правильной вере. Кстати, святой отец, а вы пробовали наше прошлогоднее вино, очень недурное, рекомендую. Я бы даже сказал, что оно одно из лучших урожаев во всей Лации.

Леонтий махнул рукой. – А ну-ка, принесите ещё кувшин для нашего уважаемого гостя.

Лидия, стараясь, чтоб это не заметил супруг, подавала знаки рабыне, готовой было отправиться за новым кувшином, что ей не стоит этого делать. Но от внимания Леонтия это не ускользнуло, и он грозно нахмурил брови. – Женщина, я не мешаю твоим причудам и потакаю всем твоим причудам, почему же ты тогда хочешь контролировать меня?

Лидия мило улыбнулась, – Прости, любимый, я просто не хочу, чтобы ты повторил путь своего брата.

В глазах Леонтия готовы были вспыхнуть молнии, но он силой сдержал себя, – Не говори ерунды попусту. Тащите сюда ещё кувшин, я сказал.

Дарион вмешался, чтобы смягчить накалившуюся обстановку. – Нет спасибо, я уже его попробовал, оно весьма недурно.

Леонтий отмахнулся. – Да видел я, как вы пробовали, только пригубили. Моя Лидия и то выпила больше вашего.

Дарион почтительно склонил голову. – Нет, Леонтий, спа-

сибо. Завтра очень ответственный день. Надо сохранить ясность и чистоту ума.

– Ну да, ну да, – Леонтий слегка усмехнулся и понимающе закивал головой. – Ладно, заставлять не буду. Сами не знаете, чего себя лишаете.

– А к Богу оборотиться никогда не поздно, – продолжил священник. – Так что я здесь очень вовремя. С вашего позволения, я попрошу Лидию сейчас показать мне место, где будет проходить обряд крещения. Но, вы уж извините меня, на праздновании языческих божков я никак не смогу присутствовать. Это противоречит моему сану и моему мировосприятию.

– Хорошо святой отец, поступайте, как знаете, – Леонтий махнул рукой и, взяв кубок с налитым в него вином, тут же мощными глотками опустошил его.

В это время, пока родители обсуждали с гостем приготовления к завтрашнему событию, их дочь Тэсия была на заднем дворе, играя с одним из мальчиков-рабов и молодым щенком. Тэсия, своенравная девочка с белыми волосами и голубыми глазами, была любимицей своих родителей и хотя ей и так позволялось очень многое, но переступить границу сверх дозволенного для неё было не только обычным делом, а основной доминантой упрямого и свободолюбивого характера.

Вот и сейчас она нарушала все приличия, неформально общаясь и играя с рабом. Хотя совместной игрой это было

назвать довольно трудно. Что щенок, что мальчик поочерёдно приносили ей те предметы, что кидала Тэсия. Вернее, то, что не приносил щенок, то за него это делал раб. Тэсия злилась, что не всякий предмет вызывал интерес щенка, не готового каждый раз бежать за ним, и всё раздражение девочка тогда вымещала на его хозяине. Мальчика – мулата, худощавого телосложения, немного чуть выше своих сверстников – звали Неро. И хотя среди хозяев не принято было называть рабов по имени, но Тэсия запомнила, как его зовут, потому что как-то услышала, что так называла его мать, также работавшая в их доме, служанкой.

Все эти приготовления к завтрашнему празднику её уже порядком утомили. Зачем ей завтра этот обряд крещения? Вот уж совсем неинтересно. Хорошо, что завтра будут музыканты, и её любимые соревнования по стрельбе из лука, в которых ей очень хотелось поучаствовать. Да и в новом платье, что ей прислали из самого Рима, ей тоже очень хотелось покрасоваться.

Вот и сейчас, услышав призывы служанки о том, что маленькой госпоже надо укладываться пораньше, ведь завтра будет большой день и надо выспаться, Тэсия приложила палец к губам и приказала Неро молчать, и спрятаться вместе с ней. Ложиться спать так рано, никак не входило в её планы.

Тэсия строго посмотрела на раба. – А хочешь, я покажу тебе своё тайное секретное место? О нём никто-никто не знает. Только если ты кому-то о этом проболтаешься, я велю

слугам отхлестать тебя до крови.

– А разве Неро когда-нибудь давал повод маленькой госпоже ему не доверять? – с некоторой обидой спросил мальчик.

Тэсия хмыкнула. – Ладно-ладно, не давал. Не дуйся. Лучше давай, бежим к конюшне.

На лице мальчика отобразился испуг. – Но моя госпожа, рабам, которые не работают в конюшне, нельзя там находиться. Меня же накажут. Неро и так повезло, что ему дали работу при доме, а не работать в поле, как все.

Тэсия презрительно скривилась. – Какой же ты трус! Видишь, ты не доверяешь мне, а я же тебе готова открыть свой секрет. Я же тебя не выдам.

– Неро не трус, Неро боится за свою мать. Могут наказать и её, а Неро очень любит свою мать, – попытался было оправдаться мальчик.

– Так, вообще-то, я тебе приказываю, – произнесла холодным тоном Тэсия. – А, ну, быстро за мной и успокой своего щенка, а то он своим лаем нас всех выдаст. Только ты не беги сразу за мной, а чуть-чуть подожди.

Неро, схватив щенка в охапку и зажав ему пасть рукой, чуть выждав, побежал за Тэсией к конюшне. Тэсия, забежав внутрь, уже залезла по лестнице под крышу, где сушилось сено, и где хранили мешки с зерном для скотины и, свесившись с края, поманила мальчика рукой. Неро со щенком залез вслед за ней.

Теперь они находились под самой крышей конюшни. Здесь, если залезть на балки под самой крышей, в самом дальнем углу, можно было, отодвинув пару рядов черепиц, любоваться отличным обзором ночного небосвода. Тэсия часто здесь пряталась от всех и никто, как она думала, не знал об этом её потайном месте. Она любила лежать и смотреть на звёздное небо, представляя, что разговаривает с душами людей, ушедших из этого мира. Она очень хорошо помнила тот период жизни, когда они жили всей семьёй в гарнизоне в землях Скифии, что на самом краю Земли. И там ей однажды поведали легенду, что все эти светящиеся точки на небосклоне – это души умерших людей. И они наблюдают за тобой в тёмное время суток, когда ты особенно беззащитен.

Кто-то охраняет твой сон от злых духов, а кто-то, наоборот, указывает злым духам твоё местоположение. И она любила, разглядывая небосвод, угадывать, какая же это звезда – добрая или злая. Если звёздочка горела, как ей казалось, синим цветом или моргала, значит, это был её ангел-хранитель. И если она увидит своего ангела-хранителя, то можно было спать спокойно. А если она была другого цвета, то надо ложиться спать, непременно укрывшись покрывалом, и тогда злые духи не смогут указать злу дорогу к тебе.

Мама и отец подшучивали над нею, говоря, что все эти звёзды всегда одного белого цвета. Тэсия очень злилась от этого и больше старалась не разговаривать с ними на эти те-

мы. Вот и сегодня, она при первом знакомстве спросила отца Дариона, что он знает про добрых и злых духов, на что священник её резко оборвал и сказал, что это всё ересь, и где она только могла услышать этот бред язычников? Да, все души попадают на небо. Но это души праведников, и это никак не эти светящиеся точки на небе.

– Да он никак не лучше других. Тоже мне святоша, строит из себя правильного. Такой же слепой и не видит ничего, – с обидой подумала про себя Тэсия и решила, что лучшим наказанием для Дариона будет её полное игнорирование как его самого, так и всех его глупых советов. Вот поэтому ей и хотелось непременно сегодня с кем-нибудь поделиться своей тайной. Ведь сколько можно хранить это в себе, не обсуждая это ни с кем, особенно если ты маленькая десятилетняя девочка, а в подружках у тебя нет никого? Вот и получалось, что мальчишка Неро – единственный, кто мог бы подойти для этой роли. Он был немногословен, послушен, предан и даже забавен. Он был совсем не похож на свою мать, Луцинию, более темнокожую рабыню, а про отца Неро никто ничего не знал. Вот этой своей немногословностью Неро одновременно и притягивал к себе Тэсию, и одновременно очень раздражал.

И Тэсия, не в силах более сдерживаться, решила всё-таки поведать Неро свой секрет, рассказав ему скифские легенды о духах на небе.

Мальчик поначалу слушал её больше из уважения, но по

мере её рассказа, сам очень загорелся, и неожиданно её перебил. – А там может быть мой отец?

Тэсия весьма смутилась неожиданным вопросом. – Наверное. Там же все умершие души, и плохие, и хорошие. А разве твой отец умер? А какой он был, добрый или злой?

Неро пожал плечами, – Моя маленькая госпожа, я ничего не знаю о нём. Я никогда его не видел. Мама никогда на эту тему не говорит и запрещает даже упоминать об этом.

Но Тэсию уже разбирало любопытство. – Но хоть какой он был? Кем он был, как выглядел? Хоть это мама говорила?

У Неро, после всех распросов, против его желания подкапали невольные слёзы, и он отвернулся, явно желая скрыть это от девочки. – Моя госпожа, нас точно хватят. И меня и мою маму накажут, если нас найдут здесь. Позвольте мне уже пойти домой?

Тэсия обиженно надула губы. – Ладно, можешь идти. Только смотри, никому об этом месте не проболтайся. Ты меня понял? Иначе я прикажу, и у тебя отберут твою собаку.

Неро спустился с лестницы и быстро побежал к своему дому. Благодаря тому, что мальчик и его мама были прислугой при доме, они, в отличие от большинства рабов, работающих на полях, имели некоторые привилегии. Они жили не как все рабы в большом сарае, а в отдельной маленькой комнатке, которая была частью большого строения, разбитого на маленькие отсеки, в которых и проживала вся придомовая прислуга. Сарай находился очень близко к хозяйскому

дому, чтобы прислуга всегда была наготове, когда её позовут.

Луциния уже была дома. – Ну, и где ты бродишь? Я уже с ног валюсь. Хозяйка нас всех просто загоняла подготовкой к завтрашнему празднику. Вот, я кое-что принесла из кухни. Садись, поешь. Там, на столе, свежий хлеб, немного сухих фиников и кусочек мяса. Поешь, а я пойду уже лягу, завтра очень рано вставать.

Неро подскочил к столу, уселся на стул и, схватив хлеб, жадно в него вгрызся. – Мам, а какой был мой отец?

Мать отвернулась, и не глядя на сына, произнесла. – Я сколько раз, просила тебя не говорить со мной на эту тему? Разве я плохая мать и тебе со мной плохо?

Неро, вскочив из-за стола, и подбежал к матери, обняв её. – Мама, мамочка, ну что ты, я тебя так люблю. Просто Тэсия сегодня меня спросила, а какой был мой отец, хороший или плохой, а я ведь ничего о нём не знаю. Мы когда играли с ней и Бруно ...

Луциния, отстранила от себя сына. – Я сколько раз говорила тебе, чтобы ты был осторожен с хозяевами, и остерегался говорить с маленькой госпожой на любые темы. Ты почему меня не слушаешься?

– Хорошо, мамочка, я больше не буду, – пробормотал смущённо Неро и вдруг его взгляд упал на щенка. – Ой, смотри, Бруно залез на стол и хочет стащить мясо с тарелки. Бруно, ты такой наглый пес.

Мальчик рассмеялся и, схватив щенка, начал его тискать.

Бруно лаял, изворачивался, стремясь куснуть мальчика, и в то же время тянулся своей мордочкой к миске.

– Да дам я тебе сейчас твою кость, дам. Неро снял мясо с кости, и кинул косточку щенку. Пёс схватил косточку, залез под кровать к мальчику и, урча от удовольствия, принялся её грызть.

Мама с усталой улыбкой следила за этой вознёй. – Я уж и сама не знаю, хороший ли был твой отец или злой? Но его нет с нами, Неро, и я тебя прошу, не пытай ты меня больше этими расспросами. И выведи, наконец, поскорей Бруно на улицу, пусть он сделает все свои дела, чтоб нас ночью не будил, и давай ложись уже спать, завтра у всех нас трудный день.

Бруно как будто понял, что речь идёт о нём, выскочил из-под кровати, завилял хвостом и начал скрестись у двери, просясь на улицу. Неро открыл дверь и выпустил пса. Щенок тут же радостно помчался к изгороди, явно не скрывая своих намерений. Неро взглянул на небо и, вспомнив всё, что ему сегодня говорила Тэсия, произнёс негромко вслух. – Интересно, а где же ты здесь, папа? А ты будешь меня оберегать и заботиться обо мне, или тебе не до меня? А ты вообще знаешь, что я есть? И почему моя мама не хочет ничего говорить о тебе? Ты разве сделал что-то такое, что она стыдится тебя? А может, ты обидел её?

Небо молчало. Мальчик опустил голову и начал всматриваться в темноту, выискивая пса. – Бруно, ну где же ты, а ну-

ка пошли домой. Ко мне, Бруно, ко мне, негодник.

Тэсию укладывали ко сну. Рабыня расчёсывала ей волосы, и тут в спальню дочери зашла Лидия. – Ну, как дочка, готовишься к празднику? Ты уже померила платье, которое нам прислали?

Тэсия буркнула уставшим голосом, – Мам, да мерила уже, мерила. Я тебе сто раз уже говорила об этом сегодня. Мам, – дочка развернула голову в сторону матери, – а может, не будем завтра крестины делать? Мне что-то не нравится этот Дарион. Завтра же такой праздник в честь Дианы-охотницы будет.

Лидия строго перебила дочку. – Отец Дарион будет твой духовный отец. Все приличные римские семьи имеют духовного отца. Нас итак упрекают, что мы так долго жили среди варваров, и что мы вообще, может быть, даже не христиане, а и есть те самые настоящие варвары. Ты же не хочешь, чтобы в тебя тыкали пальцем и шептались за твоей спиной? Опала отца рано или поздно закончится, и мы вернёмся в наш городской дом. Видишь, отца уже вызвали в казармы. А я и так полжизни провела неизвестно где, вдали от настоящей жизни. С меня этого всего уже и так достаточно.

Тэсия зевнула, – Мам, а разве в Скифии нам было плохо? Мне там очень нравилось.

Лидия присела на корточки рядом с дочкой и взяла её руки в свои, – Тэсия, девочка моя, это потому, что ты почти всю жизнь провела там, а твоя мать происходит из древнего

римского рода, и мы всегда были приближены ко двору василевса. И мы должны быть там снова. А твой отец думает только о военной карьере. Поэтому о твоей судьбе как следует позаботиться могу только я. И я слышать ничего не хочу о твоих капризах. Я лучше знаю, что тебе надо, поверь. Поэтому завтра чтоб слушалась и делала всё, как говорит отец Дарион.

– Всё, хватит её расчёсывать, – обратилась она к рабыне. – А ты давай ложись спать, моя дорогая. Лидия выпрямилась, наклонилась, поцеловала дочку в лоб и вышла с рабыней из спальни.

Тэсия лежала и думала. – И зачем она так разоткровенничалась сегодня с этим Неро? Он ведь ещё возьмёт и зазнается. Ну, ничего, уж завтра она ему задаст. Подумаешь, чего себе возомнил, она с ним и его псом играет, свой секрет ему рассказала, а он всё молчит и молчит. Только и делает, что слушает. Хотя правильно делает, что молчит, если бы болтал много, уж она бы ему показала. И вообще, отберу у него этого глупого пса, сразу будет знать. Пусть только попробует завтра делать что-то не так, и она именно так и поступит. Тэсия не помнила, как сегодня были «расположены» к ней духи на небе, её глаза слипались, а вставать к окну и проверять уже не хотелось, и поэтому она на всякий случай натянула одеяло на голову.

Глава 3. Корабль вандалов. Промиус.

Военно-транспортное судно вандалов под командованием

доблестного военачальника Хильдебальда держало курс по направлению к Риму.

Командующий был чернее тучи, его буквально распирали злость, и всю эту злость он вымещал на своей команде. Всё было не так в этом походе, начиная с самой его цели. Вернее, места Хильдебальда в этой цели. Корабль держал путь, но не к самому Риму, а чуть южнее его. Гейзерих, верховный правитель вандалов, не взял его в состав основной группы, которая направлялась к самому Риму, а Хильдебальд, в числе оставшихся, вошёл в группу отдельных дозорно-разведывательных соединений, которых отправили по окрестностям и предместьям вокруг самого Рима. Но Хильдебальду было плевать на других. Почему именно его не взяли с собой в главную точку высадки? Разве он не достоин быть в первых рядах, рядом с правителем? Как теперь его воины будут смотреть на него? Глубокое чувство несправедливости клотокало внутри, никак не находя успокоения.

Да и сама погода, похоже, тоже была с главнокомандующим заодно. Ветер, казалось, прямо издевался над ним. Только стоило выставить парус под намечавшийся было порыв ветра, как тот снова стихал, и приходилось вновь садиться на вёсла.

Гейзерих открыто объявил, что воины могут брать всё, что увидят, и что смогут увезти их корабли. Это не могло не возрадовать войско вандалов, предвкушавших лёгкую и богатую добычу. Но что с этого толку группе Хильдебальда?

Ведь что можно взять с деревенщины в той местности, куда он теперь должен высадиться, в то время как в Риме хранились настоящие богатства? Хотя богатства, конечно, тут не играли для него главной роли. Была уязвлена его гордость и честь. С каких таких пор, он, Хильдебальд, неизменный спутник всех походов Гейзериха, оказался в числе отверженных? Чем он заслужил всё это?

Мальчишка Промиус, который сейчас торчал на носу корабля и смотрел вдаль, тоже был невольной причиной злости капитана. Это был его незаконнорождённый сын от одной из рабынь-наложниц. Мальчишка боготворил отца, и мечтал быть похожим на него, но Хильдебальд держал сына в ежовых рукавицах, с детства забрав его от матери, сурово воспитывая его, как воина. Промиус, несмотря на свой десяток лет, был очень крепким, весьма ловким и мускулистым мальчиком, и втайне отец гордился им, поскольку по характеру сын напоминал ему его самого себя, также выросшего бастардом.

Несмотря на все уговоры близких не брать ещё совсем юнца с собой в поход, Хильдебальд твёрдо решил сделать это. Опасности он в этом не видел никакой, ибо римская армия сейчас, после смерти полководца Аэция, главнокомандующего убитого василевса Валентиниана, не представляла вообще никакой угрозы, и вся эта экспедиция представлялась ему всего лишь лёгкой прогулкой, после которой они привезут богатые дары домой. Это очень подходящий случай по-

казать сыну, что такое военная операция, и при этом не было почти никакого риска.

И вот каким сейчас примером он должен быть для него, после того, как его самого, как последнего никудышного воина, не взяли в головной отряд главнокомандующего? Но опасения отца по этому поводу были напрасными. Промиус был слишком далёк от интриг и хитросплетения взаимоотношений в мире взрослых, и он был буквально очарован всей атмосферой происходящего. Он наконец-то с отцом, в самом настоящем походе, и ему выдали меч, пусть и короткий, специально для мальчика, зато это был настоящий, из железа, а не тот деревянный, с которым ему позволялось тренироваться дома, в Карфагене. Но к сожалению, он не был заточен, что сильно огорчило мальчика. Они что, думают, что он не понадобится ему? Ну и какой же он тогда после этого воин, с таким вот тупым мечом, и Промиус тайком от всех заточил его самостоятельно.

В общем, несмотря на все эти маленькие недостатки, главное, это то, что он сейчас на корабле, рядом со своим отцом. В руках у него настоящий меч, и впереди их ждёт блестящая победа. И он обязательно будет героем, таким же, как и его отец, и вряд ли кто-нибудь был более счастлив в этот момент, чем Промиус. Мальчик вытащил меч и начал атаковать своего невидимого врага и весьма сильно увлёкся этим виртуальным поединком, войдя в раж.

Вот в этот момент его и увидел отец, и он тут же кликнул

своего помощника Трира, худощавого долговязого мужчину лет тридцати пяти, бритого налысо и с тонкими поджатыми губами.

– Помощник, а почему у вас на корабле люди шатаются без дела?

Лицо Трира выразило недоумение. – Капитан, простите, но у нас все заняты делом.

Хильдебальд повернулся в сторону сына, – Тогда почему я вижу, что у вас на носу стоит бездельник? Неужели на корабле все работы выполнены?

Трир увидев мальчика, слегка смутился. – Вас понял, командир. Сейчас же отправлю его в трюм чистить бочки.

– Ну и что вам мешает это сделать? – в выжидательном тоне спросил Хильдебальд.

– Понял, командир. Трир замялся, не зная, как обратиться к мальчику, но решил выбрать нечто нейтральное и прокричал. – Эй, на носу, а ну, быстро ко мне!

Мальчик краем уха услышал какой-то звук и обернулся. Увидев грозное лицо отца и его помощника, Промиус понял, что ему не послышалось, и он тут же оказался возле них. Отец демонстративно отвернулся, своим видом показывая, что его тут нет.

Трир сделал грозное лицо. – Почему слоняемся без дела? А ну, бегом вниз, в трюм. Там найдёшь Ольдиха. Поступишь в его распоряжение. Тебе всё понятно? Мальчишка послушно кивнул.

– Тогда бегом исполнять.

Промиус, видя хмурого отца, понял, что лучше ничего не переспрашивать и делать то, что ему приказали. Хотя мальчишка даже был рад, что попал в подчинение к Ольдиху, добродушному увальню непонятного возраста из-за своей тучной комплекции. Ольдих работал у Хильдебальда в качестве помощника по дому. Там помочь, там принести, там починить, в общем, работа при доме всегда найдётся.

У Хильдебальда он был ещё со времён взятия Гейзерихом Карфагена в 439 году и с тех пор всегда и везде был непременным атрибутом среды обитания своего хозяина.

А с тех пор, когда появился на свет Промиус, на Ольдиха возложили также и ответственность няньки-сторожа мальчика, и увалень скорее был этому рад, чем недоволен. Наконец-то можно увильнуть от тяжёлой работы, всегда сославшись на то, что занят своим подопечным. Да и, по правде сказать, ему действительно нравился этот мальчишка, и он сам очень привязался к нему.

Промиус отвечал на эту заботу крепкой дружбой, и если бы кто-нибудь спросил мальчика, кто его лучший друг, то ответ был всегда неизменным – Ольдих. Толстяк был непременным спутником во всех играх и начинаниях своего подопечного, и будучи постоянным противником Промиуса в мальчишеских битвах, всегда щадил его самолюбие, поддаваясь ему в этих «схватках».

А ещё у Ольдиха, как у друга, было одно прекрасное ка-

чество – он умел слушать. Вернее, он почти никогда не перебивал своего собеседника, стараясь не выпячивать себя, и лишний раз никуда не высовывался, если только дело не касалось хорошего угощения и выпивки. Вот тут лучше бы никому не становиться на его пути. Все это знали, и это было объектом постоянных шуток и нападок на него, но Ольдих был слишком добродушен, чтобы обижаться на других. Вот под командование такого субъекта и попал сейчас Промеус.

Спустившись вниз, мальчик, проходя мимо гребцов, сидящих на вёслах, увидел их не слишком добрые взгляды, но не придал этому никакого значения, ведь смех и весёлое настроение никогда не были спутниками этого тяжёлого каторжного труда, и он прошел дальше, вглубь кормы.

К его удивлению, он застал друга непривычно ворчливым, и сразу решил начать с шуточного предположения о том, что он знает, почему Ольдих сегодня такой злой. А это всё потому, что тот не получил достойный его кусок мяса, который он заслужил своей беззаветной и преданной работой.

– Я бы на твоём месте не очень бы и веселился, – Ольдих даже не улыбнулся на его шутку. – Ты видел своего отца? Видел, в каком он сейчас состоянии?

Мальчик прекратил улыбаться и недоумённо посмотрел на друга. – Видел. Но это он такой, потому что третьи сутки нет ветра, и вся команда очень устала.

Ольдих горестно покачал головой и жестом показал, чтобы мальчик подошёл к нему поближе и заговорил шёпо-

том. – Тут дело совсем в другом. Команда очень недовольна тем, что мы идём по другому маршруту и прибываем не в сам Рим, а в какую-то глухую деревню. А в Риме, говорят, несметно богатств и золота, не то что в том захолустье. Оттого и команда очень зла и хочет послушаться приказа и отправиться к основным силам в Рим, потому что там и будет основной «праздник».

– А что, отец об этом не знает? Надо же ему сказать об этом. Промиус вскочил и хотел было уже бежать наверх, но Ольдих схватил его за руку. – Ты куда?

– Наверх, к отцу. Надо же спешить, – непонимающе уставился на него мальчик.

Толстяк покачал головой. – Сейчас нельзя. Все всё сразу поймут. Дождись сначала ночи. Потом пойдёшь к отцу и всё ему скажешь. Никто и не заподозрит тебя, если ты захочешь на ночь пожелать отцу спокойной ночи.

– Я уже не маленький. Я воин, и сплю там, где спят все воины, – обиделся Промиус.

Ольдих отмахнулся. – Ладно-ладно, большой уже. Только тогда послушай своего друга. Ты же не хочешь подставить своего отца?

– Не, не хочу, – согласился мальчик.

Ольдих протянул мальчику нож, – Тогда бери и отчищай днище бочки от винного камня.

Промиус сжал губы, взял нож и начал с ожесточением отскабливать днище бочонка.

Тем временем, на капитанском мостике продолжали стоять Хильдебальд и его помощник. – Трир, скажи мне, а о чём говорила команда, когда узнала, что мы не направляемся в Рим? Как они отреагировали на это?

Помощник поморщился, – Капитан, я бы соврал, если бы сказал, что команда это восприняла с воодушевлением. Ворчат, конечно. Но пока всё под контролем. Я не допущу своеволия и хаоса в команде. Можете на меня положиться. Вечером я им выдам двойную порцию вина, так что они успокоятся и заснут. А судя по наступающим переменам, а я в этом хорошо разбираюсь, то завтра, а возможно, уже сегодня ночью, штиль сменится на ветер. И думаю, что не позднее завтрашнего обеда мы будем на месте.

Хильдебальд покачал головой. – И всё же, Трир, я всё равно не понимаю, почему Гейзерих так отнёсся ко мне? Ты же давно со мной, и меня знаешь. Неужели я заслужил такое отношение? В отличие от всех этих придворных подлиз, которые считают Карфаген своей родиной, я ещё не забыл, что главное назначение вандала это быть воином.

– Не знаю, командир, но, видимо, у Гейзериха свои планы. Поговаривают, что с южной стороны, возможно, могут появиться силы, которые нанесут удар по нашей основной группе, которая высадится в Риме. Ведь если бы вы были главнокомандующим, разве вы бы не также поступили, имея такие сведения? Вот поэтому он и выставляет авангард с этой стороны и поставил вас именно сюда, потому что дове-

ряет вам и надеется на вас.

– А ты дипломат, – усмехнулся Хильдебальд. – Умеешь поддержать. Хотя я думаю, что всё совсем не так, как ты описываешь. Ладно, Трир, я доволен твоей работой. Я, в отличие от тебя, в морском деле не очень-то разбираюсь, поэтому здесь всецело доверяю тебе.

Помощник улыбнулся. – Спасибо, командир. А сейчас, если вы позволите, я пойду и объявлю команде о том, что это именно вы распорядились выдать удвоенную порцию выпивки. Им будет приятно знать, что командир о них заботится.

– А ты не прост, Трир, – улыбнулся Хильдебальд. – Ладно, ступай и сделай так.

Глава 4. Монгольские степи. Эрдэнэ.

Бескрайние монгольские степи. Весна в этом году опять выдалась ранняя, жаркая и засушливая. Трава, не успевшая как следует взойти, была уже зелёно-желтого цвета, выжигаемая нестерпимым солнцем, и тянулась до самого горизонта. Заяц-толай, выползший из норы в поисках еды, потерял бдительность и не заметил стелящуюся по земле тень. Стремительным броском беркут вонзил ему острые когти прямо в голову. Проверив, что жертва не шевелится, хищник разбежался и снова поднялся ввысь, принявшись кружить в синей вышине над жертвой. Через какое-то время на горизонте показалась точка, которая по мере приближения приобретала очертания человека, появления которого, видимо, и ожидала птица.

Человек подошёл к убитому зайцу, присел на одно колено и откинул накидку, закрывающую лицо от слепящего солнца. Взору явилось худое морщинистое волевое лицо седой женщины. Старуха подняла голову кверху и свистом позвала беркута. Ловкими и уверенными сильными движениями она вспорола зайцу живот и выпотрошила все внутренности на землю.

– Ты уж потерпи меня, Октай, что не даю его тебе на растерзание, а то ты так всю шкуру испортишь.

Старуха отодвинула в сторону беркута всю требуху и беркут, размахивая крыльями, подскочил к куче и начал жадными рывками раздирать и заглатывать пищу.

Скудная растительность, недостаточная для прокорма скота, вынуждала становище кочевников опять сниматься с места и пускаться на поиски более плодородных земель. Долгие скитания и бесконечные переходы с одного скудного места на такое же, другое, и так уже третий год подряд.

Можно было, конечно, двинуть в сторону Байгаал-далая – Большой воды, но племя было слишком малочисленно, чтобы оказать хоть какое-то давление на другие, более удачливые племена, чтобы те поделились своим охотничьим ареалом. Поэтому и приходилось выбирать из того, что было в засушливых степях. Вот так они и застряли в двух-трёх днях перехода к большой воде.

Уныние, которое было непременным спутником этого племени, на третий год лишений и скитаний уже переполни-

ло чашу терпения и сменилось непременным желанием найти виновных во всех этих бедах. Этим виновным оказалась шаманка Цэрэн, которой и вменили все неудачи и невезение племени, за то, что она, несмотря на все свои камлания и привороты, так и не могла призвать на иссушенную землю хоть самого маленького дождя.

Её даже хотели прогнать, но поскольку других шаманов в племени не было, ей было разрешено остаться, но свою юрту она должна была ставить в некотором отдалении от становища. Цэрэн была крайне нелюдимой и мало с кем разговаривала без особой необходимости, и поэтому решение жить отдельно от всех, её даже обрадовало.

Никто не знал, сколько ей лет, и даже вождь племени помнил её с самого своего детства как немолодого человека. Единственный человек, с кем она вела себя отлично от всех, была её внучка, хотя в действительности она не была её роднёй. Совсем маленькой, ребёнком с вьющимися огненно-рыжими волосами, десять лет назад, её нашли на одном пепелище, посреди разграбленного и сожжённого небольшого поселения. Она лежала среди догорающих костров, в богато отделанной шкуре, а на шее у неё был амулет с каким-то чудным красивым камнем, и при этом она не издавала ни звука. Если бы не Октай, севший рядом с ней, все прошли бы мимо неё.

Цэрэн взяла её к себе и дала имя Эрдэнэ, в честь этого камня, и с этим амулетом девочка никогда не расставалась, почитая его как свой оберег. Вот так они и жили обособленно, вдвоём. Вернее, троём, третьим был Октай, ручной охотничий беркут, которого Цэрэн подобрала молодым с перебитым крылом и выходила его. Вот благодаря этому умелому охотнику у Цэрэн и Эрдэнэ никогда не переводилось мясо птицы, степных зайцев или других мелких грызунов.

Эрдэнэ брала пример со своей бабушки, и тоже старалась, меньше общаться не только с соплеменниками, но и со своими сверстниками, которые норовили обидеть сироту. Но на всякую обиду, нанесённую ей, она обещала рассказать обо всём Цэрэн, и та призовет на их головы злых духов, и это почти всегда действовало безотказно, отваживая особо надоедливых. Эрдэнэ предпочитала общению с людьми общение с животным миром, а также играла с фигурками в виде разных зверей и людей, которые делала её бабушка. Это были тотемы и обереги, которые стояли в любой юрте, и защищали её от пришествия злых духов.

Эти тотемы Цэрэн меняла у своих соплеменников на еду и шкуры. Эрдэнэ в последний год, подражая бабушке, также принялась мастерить свои тотемы. Только каждый раз у неё выходили какие-то необычные неведомые животные. То лошади с длинной шеей, то с большими крыльями, то ещё какие-то неведомые создания, и бабушка очень злилась на это. Вот и сейчас, когда Цэрэн варила в котелке обед из того самого зайца, подбитого Октаем, Эрдэнэ старательно вырезала какого-то неведомого шаманке зверя.

– Ну где ты видела лошадь с крыльями? Таких же зверей не бывает. Люди не будут брать такие тотемы. Они в них не верят, – недовольно проворчала Цэрэн.

Девочка, ни секунды не отвлекаясь от работы, тихо проговорила, – Бабушка, ты просто не знаешь. Есть такие звери, и с длинными шеями и с крыльями, есть. Я не вру.

Цэрэн повернулась в сторону внучки и недовольно посмотрела на неё. – Ну и где ты их видела и откуда ты про них можешь что-то знать? Давай рассказывай.

– Я просто знаю, – Эрдэнэ была непреклонна. – А ещё есть такие, с огромными клыками и длинным носом. Они огромные, как самая большая юрта. А ещё есть такие, что плавают в большой воде, и могут вылезать на берег, и там жить.

Шаманка усмехнулась и покачала головой. – Ну хорошо, про этих, с огромными клыками, я слышала очень давно. Уже и не упомяну, от кого. Может от твоей прапрабабки. Она тоже делала тотемы, как и мы. Вот, кажется, что я видела у неё такой. Не помню, Эрдэнэ, давно уж это было. А вот про рыб, которые выползают из воды и живут на суше, прости, но такой сказки я никогда ещё не слышала. Даже в Байгаал-дайлай никто никогда их не видел. Рыба, которая сама выползала на берег и там могла жить? Ты это серьёзно?

Девочка кивнула. – Да, такие, сначала плавают, а потом у них появляются лапы и они выползают на берег. Эрдэнэ, рассказывая это, была невозмутимой.

Цэрэн, видимо, представив себе эту картину, рассмеялась, и от смеха села на пол, и долго не могла успокоиться.

Эрдэнэ была настроена миролюбиво. – Можешь сколько угодно смеяться, бабушка, но я их видела в своих снах.

Цэрэн вытирала рукавом слезы от смеха. – Это правда, во снах мы можем увидеть и то, что будет, и то, что было на самом деле, а также то, чего никогда не будет. Но иногда и та-

кая дурость приснится, что я уж и сама не знаю, как это объяснить. Лучше бы ты сделала фигурку беркута. Вот смотри на Октая и просто делай таких же, как он. И не делай только ему опять большие крылья, а то я уже не знаю, что придумывать, когда отдаю это людям.

Эрдэнэ продолжала вырезать и, не поднимая головы, спросила, – Бабушка, а как ты думаешь, кто были мои настоящие родители?

Цэрэн сразу переменилась в лице, отбросив дурашливое настроение. – Что значит настоящие родители? Я же тебе говорила, что моя дочь...

Эрдэнэ вздохнула, – Бабушка, да я уже давно всё знаю. Меня просто мальчишки дразнят по этому поводу, а я не хотела тебе говорить. Боялась, что ты расстроишься.

Шаманка встала и сжала кулаки. – Кто именно это тебе сказал? Скажи, и я найду на него проклятье.

Эрдэнэ бросила поделку и подскочила к бабушке. – Ну не нервничай ты так. Какая разница, кто они были, я же знаю, что ты у меня единственная, и я тебя люблю больше всех на свете.

Шаманка села и, обняв девочку, посадила её рядом и начала гладить по голове, приговаривая, глядя на огонь. – Ты у меня вырастешь большой шаманкой, как моя бабка, и я научу тебя слушать ветер и траву. Ты будешь понимать язык птиц и животных, и я тебя научу всему, что я умею.

Внучка повернулась лицом к Цэрэн. – Бабушка, а ты на-

учишь меня, чтобы Октай меня слушался так же, как и тебя?

Цэрэн кивнула. – Конечно, научу. Только у птицы всегда будет только один хозяин, которого она будет слушаться. Октай тебя тоже любит, но полное подчинение этой гордой птицы ты получишь, если только воспитаешь её сама, с малых лет. Это тебе очень пригодится. Это не только твои глаза, но и твои руки.

– Бабушка, а как ты думаешь, засуха когда-нибудь закончится? Неужели мы всегда будем так жить?

Цэрэн помотала головой. – Да нет, конечно. Дожди обязательно пойдут. Мне приходили видения. Только вот я ещё что-то вижу, и это меня сильно беспокоит. Приходят ко мне такие видения, что в нашей жизни скоро будут очень большие перемены. И тебе, и мне, и всему нашему племени предстоит вскоре тяжёлые испытания. И это не засуха. Большое зло придёт с той стороны, откуда никто не ждёт.

На лице Эрдэнэ появилась тревога. – Бабушка, а откуда ты это взяла?

Шаманка закивала. – Духи неба со мной разговаривают, и я с ними. Октай ведь тоже сын неба. И он тоже мне много чего говорит. Очень он сильно печалится в последнее время. Не к добру это, что-то тёмное ждёт нас.

– Бабушка, а что, на нас тоже нападут и всех убьют, как моих папу и маму?

Лицо Цэрэн приняло гневное выражение. – Прекрати говорить глупости. Тебе никогда не будет угрожать опасность,

когда я буду рядом. Уж я и Октай тебя в обиду не дадим.

Цэрэн нежно провела ладонью по волосам девочки. – Не знаю что, но ждёт нас что-то весьма необычное, непонятное.

Девочка вскочила и подбежала к месту, где она делала тотем. – Бабушка, а можно я всё-таки сделаю крылья чуть-чуть побольше? Так же ведь красивее. Ну, пожалуйста, – девочка построила милую мордочку, явно рассчитывая, что бабушка ей не откажет.

– Хорошо, делай, только давай уже поживее, а то слишком долго возишься. Вот же упрямая, вся в меня, – тихо добавила Цэрэн и улыбнулась.

Глава 5. Аквазоо. Ид.

Саав шёл домой, весь обуреваемый сомнениями. Вот что он сейчас скажет семье? Ура, мы все уезжаем из нашего дома и летим на другую планету, но я ещё не до конца уверен, поможет ли нам моя новая вакцина? Извините, на алтарь своих амбиций я кладу жизнь и благополучие всей нашей семьи, для каких-то там испытаний? Хорош, конечно. Прямо образец любящего мужа и отца.

В самом деле, а имею ли я право так рисковать своими самыми близкими людьми? Ведь что такого, что наша планета погибает. На наш век её точно бы хватило, да и на век Ида тоже. И на его детей, и, возможно, еще на пару-тройку поколений. А там глядишь, и нашлась бы новая, менее проблемная планета. В конце концов, другие же лаборатории тоже ведь ведут разработку других направлений, глядишь и у

них что-нибудь выгорело. Лучше бы признался в своем бесполезном упорстве и проект признали бесперспективным и закрыли, а я, смирив гордыню, пошел работать простым лаборантом к другим, более заслуженным, профессорам. Зато всё было бы спокойно, и Таана и Ид были бы рядом со мной.

Саав, погружённый в свои сомнения, не заметил, как очутился возле своего дома. Вокруг него под морозящим дождём с радостными визгами и воплями носилась разновозрастная компания подростков. Забыты все распри и обиды, прочь все печали, когда на улице стоит такая прекрасная погода, и счастливая малышня разбрызгивает вокруг себя все окрестные лужи.

К нему радостно нёсся Ид. – Ура, мы идём в аквазоо! Пап, а мне никто здесь не верит, что мы сегодня там будем. Мы ведь правда туда идём?

Таана стояла у входа в дом в довольном расположении духа. – Конечно, идём, Ид. Пусть папа только попробует сказать «нет».

У Саава не хватило духу сейчас признаться в том, что предстоит пережить его семье в ближайшее время. Ладно, скажу после аквазоо, не буду портить им сейчас праздник, – решил про себя, Саав и улыбнулся супруге. – Конечно, мы сейчас туда едем. Пусть только мама соберётся, и мы готовы туда ехать.

Таана улыбнулась в ответ, деланно нахмурившись. – А я давно уже собралась. Только тебя и ждём.

Через час они были на месте. Аквазоо считался жемчужиной всего Таураана. Он занимал естественную впадину, созданную когда-то врезавшимся в планету большим метеоритом. Давным-давно он был наполнен естественной водой, но реки со временем обмелели и теперь, чтобы следить за состоянием воды, таланы прилагали громадные усилия. Во времена засухи его закрывала система громадных раздвижных куполов, которая хоть и не закрывала его полностью, но не позволяла воде быстро испаряться, а во время сезона дождей аквазоо естественным образом пополнял свой водный баланс, да и подводные ключи также вносили свою посильную роль. Аквазоо был призван напоминать таланам их естественную среду обитания и служил большим аквариумом для рыб и прочих водных животных.

В аквазоо были запущены самые разнообразные виды рыб и земноводных, которых привозили с разных планет и созвездий. Попасть на территорию аквазоо считалось большой удачей и привилегией, а уж поплавать в этом гигантском бассейне вообще был удел счастливчиков и любимцев фортуны. Как, например, победителей в общетаураанской лотерее, или награждённых за большие заслуги, ну или, наконец, надо было быть просто учёным, который имел право допуска сюда. Саав после последних удачных испытаний с вакциной сумел уговорить руководство института выдать ему спецквоту, кроме себя, ещё и на двоих членов семьи.

Как раз сегодня был специальный день приёма, день

счастливых победителей общенациональной лотереи. Таана с Саавом, стоя позади, улыбаясь, смотрели на сына. – Саав, а ведь это у него действительно в первый раз, его первая самостоятельная большая вода.

– Точно, – спохватился Саав и подбежал к сыну. – Ты помнишь, как я тебя учил? Ты, главное, не бойся. Как только нырнёшь, не дыши резко и быстро. Они, – Саав нежно коснулся наростов позади ушей Ида, – сами поймут, что надо делать. Ты просто доверься им и главное, слушай своё тело, оно само подскажет тебе.

Но все эти советы Саава, честно говоря, прошли мимо ушей Ида. Мальчик был настолько возбуждён от вида воды, что он отца практически уже не слышал. Ему одновременно и хотелось тут же броситься в воду и в то же время, его что-то сдерживало.

Саав и Таана, видя нерешительность сына, решили собственным примером увлечь его за собой. Они разбежались и прыгнули с выступа в воду. Когда они вынырнули из воды, на их лицах царило такое состояние блаженства и удовольствия, какое Ид уже и не помнил, когда видел у них обоих.

Саав, замахал сыну рукой. – Ну, чего ты ждёшь, давай.

Ид оглянулся по сторонам. Все, кто сюда прибыл, все эти счастливые победители лотереи, все они уже были в воде. На берегу оставался только он один. Ид зажмурился и прыгнул. Вода стремительным потоком зашла в нос и рот. Ид хотел было испугаться, но удивительно, что больно совсем не бы-

ло, вода нормально циркулировала в его гортани, и выходила из наростов за ушами, и он провёл по ним руками. Они двигались волнообразно, выбрасывая толчками через себя еле ощутимые волны воды.

К нему подплыли родители, и отец знаком показал ему, чтоб он следовал за ними, и они резко нырнули. Ид дёрнулся за ними и почувствовал, как струи воды приятно обтекают его тело. Он начал было размахивать руками, но увидел, что родители плывут, вытянув руки вперёд или прижав их к бокам, а основную роль при движении у них играют ноги и их большие гибкие ступни. Мама повернулась к нему, улыбнулась и кивком головы показала, давай за нами. Ид стал повторять движения вслед за ними, и вскоре начал их быстро догонять.

Вдруг Саав стал резко размахивать руками, указывая куда-то в сторону. Ид разглядел в глубине пару водных созданий, плывших с ними параллельным курсом. Видимо, это и есть то, что хотел показать ему отец. Кажется, папа называл их дельфинами. Рыбы, видимо, узнав отца, устремились к нему навстречу. Ид подплыл к ним. Саав и Таана уже гладили животных, и дельфинам, видимо, это очень нравилось, и они кружили вокруг них, касаясь их своими телами.

Вот один из них уткнулся мальчику носом в руку, и Ид прикоснулся к его коже. Она была такая мягкая и упругая, послушная, с перекатывающимися мышцами под рукой. Мальчик никогда в жизни ничего подобного не трогал, и это

было так волнующе и удивительно.

А Саав тем временем не мог оторвать глаз от Тааны. Как же она была сейчас прекрасна! Как она красиво движется, какая она гибкая и пластичная, и какая у неё восхитительная кожа! Нет, они должны обязательно жить там, где есть вода, и он расшибётся в лепёшку, но обеспечит им такие условия. Вот они вынырнут, и он всё им расскажет. Да собственно, нечего ему тянуть, он прямо сейчас ей всё и расскажет, и Саав знаками показал Таане и сыну, что пора подниматься на поверхность. Таана удивлённо посмотрела на него, но он знаками показал, что для Саава это первый раз, и такое долгое и глубокое погружение может быть ему вредно.

– Ну как сын, что ты чувствуешь? – спросила Саав у сына, как только они оказались на поверхности. – Голова не кружится?

– Чего ты спрашиваешь, неужели по счастливому лицу тебе что-то непонятно? – Таана перебила его. – Ну, иди ко мне, Ид, иди. Мама тебя обнимет.

Внезапно на всех экранах, стоящих по периметру аквазоо, появилось изображение Амун. Обычно появление Правительницы не предвещало ничего хорошего. В последние годы она появлялась с сообщениями о том, что впереди их ждёт опять тяжёлый и долгий период засухи и всем необходимо переходить к жёсткой экономии воды. Но сейчас ведь только начался сезон дождей, и её появление было как минимум странным. Все находящиеся в аквазоо затихли, ожи-

дая, что скажет Правительница.

Саав сразу понял, о чём сейчас будет говорить Амун. Ну, и хорошо, что это скажет не он, а то у него снова пропал порыв смелости.

– Дорогие соотечественники, дорогие жители планеты Таураан. Амун замолчала, и после недолгой паузы продолжила. – На меня возложена обязанность озвучить то решение, которое принял сегодня Совет Таураана. Все мы знаем, что Таураан – наша планета, наш дом, в котором мы живём уже очень давно, но мы также помним и то, что это не наша родная планета. Нашим далёким предкам пришлось покинуть свою родину, и с тех пор таланы – вечные странники в поисках лучшей доли для нашего народа. Для вас не секрет, в каком состоянии находится сейчас Таураан. Знаете вы и о том, что для полноценного существования нам необходимо часть своей жизни проводить в самой воде.

Таковыми нас создал Творец. Это наша сущность, и изменить это не в наших силах, да никто и не хочет иного. А вследствие нашего образа жизни на Таураане мы мутируем и, к сожалению, не в лучшую для нас сторону. Спасибо Провидению, что не дало нам пропасть, и мы попали на Таураан, и он смог приютить нашу цивилизацию. Спасибо и нашим учёным, которые помогли изобрести препараты, которые помогают нам безопасно обходиться долгое время без воды. Но, если мы сами себя спросим, – разве это полноценная жизнь для талана? Разве мы хотим именно этого? Разве

мы не достойны лучшей участи? Разве мы смиримся с этим?

Скажем спасибо Таураану, он дал нам всё, что мог, но нам надо двигаться дальше. Нам нужен новый дом. Дом, в котором у нас не будет недостатка ни в воде, ни в других полезных ископаемых материалах. И такая планета есть, и совсем недавно мы нашли вакцину, которая полностью поможет нам приспособиться к внешней среде планеты. Мы давно вели разработку этой планеты, и поняли, что уже наступило время принятия серьёзных решений.

В течение нескольких дней мы высылаем на эту планету десант с учёными и группами военных специалистов, которые создадут защитный купол над планетой. Такой же, какой есть у Таураана. И если у них всё пройдет нормально, то нам всем вскоре предстоит великое переселение. Переселение в лучшую жизнь, в лучший мир, где исполнятся все наши мечты.

Я понимаю, что вам сейчас трудно всё это принять сразу, ведь для многих Таураан – это любимая и родная планета, но мы должны думать и о будущем. Мы должны думать и о следующих поколениях, о нашем здоровом генофонде. Просто настало то время, когда надо принять это нелёгкое решение. Не будем откладывать решение этого вопроса, а просто возьмёмся за руки и сделаем все вместе этот шаг вперёд. Шаг в будущее. Поверьте, мне это решение далось нелегко, но иного пути у нас нет. А пока я поздравляю всех с наступившим сезоном дождей. Приятной всем нам живительной влаги.

Пока шла речь Амун, в аквазоо царила необычайная тишина, но и после её окончания тишина, как будто даже невероятным образом усилилась. Таланы медленно приходили в себя, переваривая только что услышанное. Кто-то начинал искренне радоваться, кто-то хмуро молчал, но равнодушным это сообщение не оставило никого.

Саав почувствовал, что сейчас его сверлят две пары глаз, но если одна была радостно-недоуменная, то вторую вряд ли можно было назвать дружелюбной. Саав повернулся к Таане.

Глаза Тааны искрились негодованием. – Ну, и когда ты всё это собирался нам сказать? И только не говори, что это сейчас говорилось не про твою вакцину и не про эту твою чёртову планету?

Саав, виновато развёл руками в стороны. – Да, вот сразу после аквазоо, я собственно, и хотел это сказать. Честно-честно. Просто хотел это сделать дома в спокойной обстановке, чтоб ты не нервничала и нормально готовилась с Идом к поездке.

Последние слова Саав произносил всё тише и тише.

Таана раскрыла рот от изумления. – К чему я готовилась? К какой поездке? И причём тут Ид?

Саав продолжил невнятно бормотать. – Ну, просто так получилось, что мы все вместе летим в этой первой группе.

Ид радостно подпрыгнул из воды. – Урааааа, мы все вместе летим в космическое путешествие на другую планету, – и глубоко нырнул в толщу воды, стараясь догнать уплываю-

щих от него дельфинов, хватая их за плавники.

Таана судорожно сглотнула. – Но ты же сказал, что это только первая удачная вакцина, и что ты не знаешь, как она ещё поведёт себя в реальных испытаниях. И почему ты решил в качестве подопытных избрать именно свою семью? И почему ты хотя бы не посоветовался со мной об этом? Почему такая простая мысль не могла придти тебе в голову? И к чему такая спешка, в конце концов?

Возмущённая Таана вся пылала огнём. Но теперь, когда всё стало явным, и не надо было ничего скрывать, Саав почувствовал большое облегчение. – У меня просто не было выбора. Амун не всё сказала. Таураан действительно сильно истощается, и периоды дождей нас уже не спасают. Да ты и сама это видишь. Но и это не главное. Гефестиан заметили в созвездии Млечного пути. А там, кроме Земли, для них нет ничего, что может представлять серьёзный интерес. Поэтому, если опоздаем мы, то эта планета будет их. А другой такой планеты, более исследованной, у нас сейчас нет. И это, может быть, наш самый последний шанс. Прости меня ещё раз, что у меня не хватило смелости сказать тебе всё это сразу. Я, когда шёл домой, уже подумывал отказаться от всего этого и попробовать отговорить от этого Совет, чтобы они искали другие варианты, но Амун уже приняла решение.

Саав развёл руками. – А почему я? Просто лучше меня эту планету никто не знает.

Таана тихо спросила. – Сколько у нас есть ещё времени?

Саав пожал плечами.— Я думаю, что два-три дня, максимум, на сборы.

— Я спросила, сколько нам ещё плескаться в аквазоо, трусты эдакий. Не лишай меня и сына такого праздника, — Таана плеснула в Саава водой и нырнула в глубину, вслед за Идом.

Глава 6. Измена на корабле.

Вечером, как и предсказывал Трир, ко всеобщей радости, подул плотный южный ветер, и помощник капитана выкатил на палубу бочки с вином.

— Это от капитана. За хорошую работу. Отдыхайте и набирайтесь сил.

Команда радостно взревела, схватила бочки и устремилась вниз, в трюм. Часа через два команда была уже мертвецки пьяна. Тела уставших людей были беспорядочно разбросаны по всей жилой палубе, кроме одного угла, в котором собралось дюжина матросов, ведущих меж собой тихий разговор. Ольдих был среди первых, кто, попав в объятия Бахуса, захмелел, после чего он ожидаемо попал в нежные оковы Морфея, а говоря простым языком, забылся крепким сном там же, в окружении своих бочек.

Промиус, умаявшись от работы и от всех переживаний за прошлый день, уснул ещё до того, как команда получила увольнительную. Ольдих не стал его будить, подложил под мальчика свою куртку и после излишеств за ужином бухнулся с ним рядом.

Однако то ли кусок еды, то ли чрезмерное количество вы-

питой жидкости, попавшей не в то горло, то ли неудобная поза, в которой уснул Ольдих, резко разбудили толстяка. Он прокашлялся, протёр глаза и понял, что сон сейчас быстро не вернуть, и что неплохо было бы промочить горло. Но вдруг он услышал чей-то знакомый голос, который звучал нарочито приглушённо, оттого и привлекал к себе внимание. Ольдих приподнялся и выглянул из-за бочек. Это был помощник капитана.

Трир был настроен очень серьёзно. – А можно не галдеть и внимательно слушать? В общем так, парни, ситуация такова. Капитан наш поплыл. Совершенно раскис оттого, что Гейзерих не взял его с собой в Рим. Но мы же не должны страдать от этого вместе с ним? Ведь все те, кто сейчас поплывёт в Рим, сказочно озолотятся. А мы что, приедем домой с пустыми руками? Это разве справедливо? Мы что, хуже их?

Ольдих тихо придвинулся к мирно спящему Промиусу и зажал ему рот. Секунды спустя мальчик отбивался и вырывался из рук толстяка, глядя на него раскрытыми непонимающими глазами. Ольдих левой рукой прижал палец к своим губам, потом показал на своё ухо и выставил палец в направлении источника звука. Промиус понял, что от него хотел толстяк, и прекратил сопротивление.

А там продолжал ораторствовать Трир. – Хвалиться не буду, но мне удалось успокоить капитана, и он совершенно ни о чём не догадывается. Он считает, что я на его стороне, и пусть продолжает так считать. Пока мы не высадимся на бе-

рег, никакой бузы, вы слышите, никакой, чтоб он ничего даже не заподозрил. А я сейчас переговорю с другими несогласными, а таких, я уверен, мы наберем большинство, и вечером поставим ему ультиматум, чтоб он отпустил всех нас на веселье в Рим. На пару деньков. Наберём что надо, и назад. Ну, а если уж он будет сильно упрямиться, тогда нам придётся его как-то успокоить на время, чтоб не мешал, пока мы смотаемся в Рим. Только предупреждаю всех, что в таком варианте обратной дороги в Карфаген нам уже не будет. Нам не простят неповиновения, и вряд ли нас будут ждать дома с распростёртыми объятиями.

Один из матросов присвистнул. – Ого. А что, если Хильдебальд не пойдёт на наши условия?

Трир посерьёзнул. – Тогда пусть пеняет сам на себя. Это его выбор. А перед нами зато уже будет целый свет, и мы будем сказочно богаты. Все дороги теперь будут открыты перед нами, и мы, вернее каждый из нас, найдёт себе местечко на земле, где сможет прожить остаток дней, купаясь в роскоши и богатстве, не переживая, что его найдут. Ну, и кто из вас не хочет стать богатым?

Глаза у матросов загорелись огнём, и они уже хотели прокричать здравицу в честь Трира, но помощник капитана быстро пресёк их порыв. – Тише, тише, не ведите себя, как пьяные свиньи. Вы своим криком сейчас всех перебудите. Хотя выпить тоже не мешало бы, чтоб вы не выделялись из общей массы. Так что пейте, но помните, всё произойдёт сле-

дующей ночью. Я подам знак, когда всё начнётся.

Промиус и Ольдих всё слышали. Мальчик смотрел на друга непонимающими глазами, на которые готовы были навернуться слёзы. Он был очень ошеломлён и растерян. Вся эта поездка, представлявшаяся ему как замечательное приключение, начинала приобретать совершенно другие очертания. Матросы, которыми он так восхищался, оказались совсем не теми, какими он их себе представлял. А Трир, помощник капитана, так вообще оказался предателем, и он хочет либо позора, либо даже смерти отца. Ольдих еле удержал мальчика, который хотел броситься к Триру и высказать лжецу всё, что он о нём думает. Толстяк крепко сжал мальчика, притянул его к себе и начал что-то нашёптывать Промиусу на ухо. Мальчик долго слушал, сначала очень недовольно, но потом, нехотя кивнул.

Спустя некоторое время раздался грозный рык Ольдиха. – Ну, чего это ты тут разлёгся? Это тебе что, спальня хозяйская? А ну марш в капитанский отсек. Там тебе и мягкая кровать, и отцовский уют будет обеспечен. А то ноет он, видите ли, неудобно ему. Вот ведь неженка. Нечего тебе тут с настоящими матросами делать. Мал ещё, сопляк.

Взору притихшей компании заговорщиков предстал Ольдих, еле стоящий на ногах и пытающийся вытолкнуть сонного Промиуса к лестнице, ведущей на верхний уровень. Промиус был очень недоволен и пытался что-то дерзить и вырываться.

Ольдих был непреклонен. – Это ты дома можешь меня не слушаться, а здесь знай своё место. Иди уже, а я сейчас пойду к своим друзьям.

Заговорщики расслабились, и облегчённо вздохнув, принялись за любимое дело, подтрунивать над толстяком. – Иди, иди уже к нам, непросыхающая ты бочка. Мы в тебя сейчас все корабельные запасы зальём, утроба ты ненасытная, чтоб до самых краёв было, да и то, наверное, место всё равно останется, – под дикий хохот, прокричал один из матросов.

Промиус, как и просил Ольдих, не сразу пошёл в отцовскую каюту, а поднялся на верхнюю палубу и подставил горящее от возбуждения лицо обдуваемому ветру. Он до сих пор не мог прийти в себя от осознания факта коварства команды, восставшей против его отца. И главное, Трир, папин помощник, которому отец всегда доверял, на деле оказался таким негодяем.

У мальчика душа чуть не ушла в пятки, когда его кто-то сзади взял за плечо. Промиус обернулся. На него смотрел улыбающийся Трир. – Ну что, не спится, Промиус? Всё-всё, не напрягайся. Сейчас отдых, и я тебе не командир, а друг. Ты чего это такой недовольный?

Мальчик понял, что в таком виде его сейчас могут раскрыть, и вспомнил, что ему советовал Ольдих. – Помощник капитана, а я могу быть с вами откровенным?

– Конечно, мы же друзья. Что ты мне хотел сказать? –

Трир напрягся и оглянулся по сторонам. Кроме рулевого, который был далеко, и к тому же стоял к ним спиной и видеть их не мог, на верхней палубе никого не было.

Промиус загундосил. – Я же солдат, ведь так? Меня же взяли сюда, как солдата. А почему тогда ко мне относятся, как к маленькому мальчику? Почему Ольдих меня так унизил? Мне же выдали меч и лук, как и всей остальной команде. Почему мне не поручают нормальной работы на судне, а отправили чистить бочки к Ольдиху?

Трир облегчённо вздохнул, – Твоя правда, мой друг. И моя недоработка. Значит, решено. Я лично завтра об этом поговорю со всеми, и тогда самому последнему матросу на этом корабле будет понятно, что Промиус это член нашей команды, а не пассажир на этом судне. И я согласен с тобой, воину не дело заниматься чисткой бочек. Пора тебя приобщать и к серьёзным вещам. Я тебе обещаю, что поговорю об этом с капитаном. А вместе с матросами, тут Ольдих прав, тебе и вправду не стоит сейчас находиться. Там все уже напились и ведут глупые пьяные разговоры. Но их же можно понять. Они три дня сидели на вёслах и порядком устали, и им всем необходимо немного расслабиться. А завтра, когда мы уже прибудем на место, я попрошу твоего отца, чтобы ты не оставался на корабле, а пошёл вместе с нами, когда мы будем бить этих зажавшихся римлян.

Мальчик на секунду засомневался в том, такой ли уж плохой Трир, но тут же вспомнил, что тот говорил совсем недав-

но о его отце. Поэтому Промиус изобразил довольное и благодарное лицо. – Спасибо, я буду очень благодарен вам.

Трир, уже полностью избавившись от подозрений, совсем расслабился. – Ну, ладно-ладно. Пора ложиться. Иди к отцу в каюту, а то рассвет скоро, а ты нам будешь нужен свежим и отдохнувшим. Скажи, что это я приказал. Не дело тебе с пьяными сидеть, а они ещё неизвестно, когда лягут. А я пойду, посмотрю, не надо ли мне сменить рулевого. Может, стоит сейчас и спит с открытыми глазами. Знаю я эти матросские уловки.

Промиус, которого никто не сдерживал, пулей слетел по лестнице к капитанской каюте и слегка постучал в дверь. Тут же раздался грозный голос. – Кто там ещё?

– Это я, – прошептал мальчик.

В голосе отца прозвучали нотки удивления. – Промиус? Ты что так поздно шатаешься, а ну входи. Мальчик вошел в каюту, и закрыл за собой дверь.

Хильдебальд повторил вопрос. – Ты почему ещё не спишь? Мальчик жестами показал, чтобы папа закрыл дверь и молчал, и что говорить он будет очень тихо.

Промиус рассказал отцу всё. И про то, что знает Ольдих, и про разговор, который они подслушали, и про разговор с Триром на верхней палубе. Отец был вне себя от возмущения и гнева, но потом резко остыл и улыбнулся. – Ты молодец. Ты поступил очень по-взрослому. Да и в Ольдихе, этом увальне, я тоже не сомневался. Но нам сейчас надо выпол-

нить задание Гейзериха. Я всё-таки солдат, который должен исполнять приказ. А позже мы разберёмся с этими крысами. Ну, а ты пока продолжай делать вид, что ничего не знаешь. Также слушайся приказов помощника и других старших матросов. Всё нормально, сын, я знаю, что надо делать.

Промиуса уже отпустила тревога, и он смотрел на отца восторженными глазами и понимал, что с ним ему уже ничего не будет страшно. Вот сколько против него всего, а он ничего и никого не боится, и они обязательно, обязательно победят всех врагов, потому что и сильнее, и умнее их... У мальчика уже невыносимо слипались веки, и он провалился в глубокий сон.

Промиусу снилось то, как перед ним склоняют колена пленённые римляне, а он, размахивая мечом, стоит рядом с отцом. Только у римлян были какие-то другие лица и одежды, не такие, какие он видел у них в Карфагене, и почему-то они все сидели в воде. И тут же появился Трир, который зашвистел в свой рожок, и он при этом так неприятно улыбался...

Сон Промиуса действительно прогнал рожок помощника капитана, возвещавшего о всеобщем построении на верхней палубе. Промиус протёр глаза и, хватая на бегу сандалии, устремился на верхнюю палубу. Поднявшись наверх, он обнаружил, что все уже были построены в две шеренги, и отец с помощником стояли перед ними. Промиус оказался последним, кто выбежал на верхнюю палубу.

Как только он появился, Трир повернулся к капитану и обратился. – Командир, тут вот парни поговорили между собой и просят вашего разрешения стать в общий строй ещё одному члену экипажа. Команда считает, что он достоин этого. Это его первый военный поход, и не дело, что он будет сидеть на судне, когда мы будем добывать себе славу, сражаясь с римлянами. Просим вас за юного матроса Промиуса.

– Я ведь верно говорю, парни? – сказал он, повернувшись к общему строю.

Строй мощным хором проорал, – Даёшь матроса Промиуса. Давай его к нам.

Хильдебальд улыбнулся. – Смотрите, помощник. Это ваше решение. Вы и несёте за это ответственность. Разрешаю принять юного матроса.

Под общий радостный гул Промиус встал в разомкнувшийся ради него строй, и он на секунду забыл и про изменника Трира, и про все вчерашние разговоры. В эти секунды он был просто счастлив.

– Земля! Вижу землю! – закричал вестовой с вышки.

– Ну что ж, вот и славно, – сказал Хильдебальд, обращаясь к Триру. – Думаю, через час-другой при таком ветре мы будем на месте. Всё, что надо делать, ты и так знаешь. Надеюсь, вы донесли команде все задачи, которые стоят перед нами?

– До всех и до каждого, командир.

Хильдебальд поднял глаза к небу. – Ну, тогда всем нам удачи. Да хранит нас всех Святovid.

– Парни, ну вы всё слышали, – обратился к команде Трир. – По местам.

Команда быстро рассосалась по палубе и по нижним трюмам. На палубе из строя остался один Промеус. Он изумлённо смотрел по сторонам. А ему, ему что сейчас делать? Все всё знают, и только он один не в курсе. Видимо, всё дело в том, что он проспал построение, и поэтому ничего не знает. Промеус хотел было спросить у отца, но тот ушёл на нос корабля вместе с Триром, и мальчику было неудобно переспрашивать у них, чем же ему действительно заняться, раз он уже в команде?

– Кстати, а где Ольдих? – подумал мальчик. Ведь на построении толстяка почему-то не было видно. Наверное, тот, как и Промеус, тоже проспал общее построение и сейчас лежит возле своих бочек.

Промеус спустился на нижний уровень, в тот угол, где они вчера их чистили. Ольдиха там не было. Странно, его куртка лежала здесь, также валялся его нож, а где же тогда он сам?

– А ты чего здесь шляешься, матрос? – ему почти проорали в ухо.

Промеус вздрогнул от неожиданности и повернулся. Перед ним стоял старый матрос Ульрик, правая рука помощника Трира.

– А где Ольдих? – пролепетал мальчик.

– Он в самом низу, в складском трюме. Готовит место для наших трофеев, – сказал Ульрик и улыбнулся, обнажив рот с

коричневыми зубами. – Помощник капитана сказал, чтобы я тебя забрал на подготовку к высадке. Ведь ты же уже настоящий солдат, как тут все говорят?

– Да, – с вызовом сказал Промеус, – меня только что приняли в общий строй.

Ульрик доверительно положил руку ему на плечо. – Ну вот, значит, тогда должен нести ответственность и иметь обязанности, как настоящий солдат. Умеешь точить мечи?

– Да, смотри, как я свой заточил. Мальчик вытащил меч из ножен и дал потрогать лезвие Ульрику.

Ульрик уважительно зацокал языком. – Ну, что ж, неплохо, но можно и лучше. Идём со мной, я покажу тебе, как сделать так, чтоб лезвие было настолько тонким, что, когда его вонзаешь в тело врага, то это будет так, как будто нож входит в масло.

Ульрик противно захохотал, и от этого смеха и от картины, которую так живописал матрос, у мальчика похолодела спина.

– Ну, что ж ты стоишь, идёшь или как? Или ты всё-таки боишься? – насмешливо спросил Ульрик.

– Ничего я не боюсь. Конечно, идём, – с вызовом ответил Промеус.

Глава 7. Испорченный праздник.

Утро разбудило Тэсию криками телёнка во дворе, которого тащили волоком на кухню. Несчастный издавал такой жалобный вой, что не услышать эти страдания никак было

невозможно. Девочка недовольно нахмурилась. Ну как можно перебивать такой сладкий сон? Вот прямо с утра всё настроение испортили.

Тут же раздался стук в дверь. – Маленькая госпожа уже проснулась? Хозяйка сказала, что при таких Содоме и Гоморре, что доносятся со двора, вы вряд ли уже спите, и велела вас подготовить к церемонии.

– Кто там? Ты, что ли, Абеба? – недовольно спросила девочка.

Настроение у неё теперь испортилось окончательно. Тэсия вспомнила, что ей сегодня предстоит. – Нет, я ещё сплю. Отстаньте все от меня, – недовольно проворчала она и накинула одеяло на голову.

Рабыня, несмотря на отказ, всё же вошла. – Простите, маленькая госпожа, но хозяйка так и сказала, что если вы будете против, вас всё равно надо разбудить. Вот я принесла платье для церемонии крещения, а вот костюм для празднования Дианы-охотницы.

Тэсия сразу вскочила с кровати. Как она могла такое забыть? Сегодня же, кроме нудящей церемонии, будут ещё и соревнования лучников, и она тут же начала примерять на себя костюм охотницы.

Рабыня начала возражать. – Простите, маленькая госпожа, но празднования Дианы будут позже. Вначале надо готовиться к церковному обряду.

– Я сама решу, что мне сейчас надевать, – деловито отве-

тила Тэсия, крутятся в разные стороны.

– Но только не сегодня, моя дорогая, только не сегодня, – сказала вошедшая в комнату, Лидия. – И давай, не показывай мне свой характер, времени у нас и так не слишком много. Отцу надо как можно раньше отправиться в Рим. Поэтому мы должны сегодня успеть провести и церемонию «крещения», ну и празднование, посвящённое твоей любимой Диане. Давай, я сама тебе расчешу волосы.

Лидия забрала из рук Тэсии гребень, который девочка вертела в руках. Тэсия обиженно замолчала, позволив надеть на неё белое платье к церемонии, и также не проронила ни слова, пока мать расчёсывала её волосы.

Тем временем Неро помогал матери на кухне. Сегодня и у него тоже хватало забот. Если на церемонии крещения он был просто зрителем, то на праздновании Дианы-лучницы он должен быть оруженосцем Тэсии, неся за ней колчан со стрелами. В большой клети, стоящей в углу кухни, стоял телёнок, тот самый, чьё жалобное мычание разбудило сегодня Тэсию. На кухню зашёл отец Дарион и попросил позвать главного повара, и Неро помчался во двор, искать Лисиппа.

Крепкий и жилистый повар, пятидесятилетний грек Лисипп, бывший раб, служил в семье Леонтия так давно, что за давностью лет никто уже не помнил, когда он здесь появился. И хотя он получил от своего господина вольную, но так и остался служить при семье Леонтия, кочуя вслед за хозяином по всему миру.

– Святой отец, вы что-то хотели? – недовольно спросил вошедший грек, вытирая руки о кусок первой тряпки, попавшейся ему на глаза.

Священнослужитель выглядел слегка взволнованным. – Да, я хотел бы знать, будет ли готов хлеб к церемонии открытия? Мне нужно то, что я просил. Хлеба должны быть двух видов. Один должен быть белым, свежим из нежнейших сортов пшеницы, а второй грубого помола и желателно чёрствым. Всё это очень важно, вы понимаете?

– Ну, насчёт чёрствого хлеба, можете не сомневаться. Он всегда есть в наличии, а свежий будет готов точно вовремя. Лисипп всегда пунктуален, – ответил грек.

Дарион кивнул. – Хорошо. Тогда вот ещё что. Можно ли я вас попросить, чтобы вино к празднованию подавали не крепкое, дурманящее кровь, а что-нибудь полегче, разбавленное водой? Я не хочу, чтобы светлый праздник был омрачён винными возлияниями.

Лисипп улыбнулся. – Это можно сделать, но если только хозяин сам не попросит ему принести что-нибудь покрепче. Боюсь, к празднику Дианы без крепких напитков нам точно не обойтись. Вот и жертвенный телёнок готов, – он указал на пленника, томившегося в клетке.

– Жертвенный телёнок?! Боже Праведный, какое святотатство в такой день! Дарион с ужасом на лице осенил себя крёстным знамением и стремительно вышел прочь из кухни, как из прокажённого места.

Лисипп, держа в руках нож, подошёл к телку. – Не переживай. Диана тебя встретит, и там тебя ждёт жизнь точно лучше этой. Грек похлопал телёнка по могучей шее.

Пробил полдень. Все, кто был в доме, собрались в большом дворе. Неро был вместе с другими рабами, расположившись за оградой, ибо мест во дворе хватило лишь для хозяев и для многочисленных соседей, которые были приглашены на церемонию.

Хоть Леонтий и был в опале, но Лидия была всё же из знатного рода, и поэтому местному люду было лестно быть приглашёнными на такую интимную церемонию. Тем более церемонию, как говорили, будет вести римский священник, посланный сюда, по слухам, самим папой Львом Первым. Хотя на самом деле всё было совсем не так, но Лидия постаралась распространить именно такие слухи.

Неро чуть пораньше смог занять удобное место для обзора, но его, в конце концов, по мере наплыва любопытных, начали оттеснять от забора, и он вцепился в ограду, чтобы не потерять это удобное место. В центре двора стоял Дарион, за ним возвышался большой крест с распятым на нём сыном Божьим, а за крестом полукругом стояли мальчишки-хористы, которые прибыли утром из близлежащей местной церкви. Перед Дарионом стоял маленький столик, на котором лежали два хлеба и два сосуда.

Дарион подал знак, и тут же из дома появились Леонтий и Лидия, державшие за руки Тэсию. Девочка была в бело-

снежном платье, длинные белокурые волосы развевались на лёгком ветру и, судя по всему, она была в прекрасном расположении духа. Тэсия была настолько очаровательна, что у Неро перехватило дыхание, и он уже не мог оторвать от неё глаз. Мальчик плохо слышал, что говорил священник. До него долетали лишь отрывки фраз святого отца. Да и ему, впрочем, было неважно, о чём там говорит Дарион. Он сейчас видел только одну Тэсию. Он любовался каждым её движением. Как на неё брызгали из сосуда воду, и как она дурашливо отряхивалась от летящих в лицо брызг. Как она отламывала хлеб, и как смешно морщилась, когда ей дали отпить из сосуда.

Все вокруг одобрительно кричали, а Неро ничего не замечал вокруг. Даже когда обносили всех присутствующих вином, хлебами и сыром, чтобы они тоже могли выпить в честь маленькой хозяйки. Он всегда чувствовал, что его влечёт к ней, но боялся самому себе признаться в этом. Кто он и кто она? Неро увидел её впервые около года назад. Он сам родился в этом поместье немногим более десяти лет назад. Вскоре после того, как Леонтий и Лидия отбыли по месту службы мужа в далёкие земли, где собственно, и родилась Тэсия. Сюда хозяева вернулись чуть более года назад, когда Леонтий попал в опалу. Тогда они всей семьёй покинули римский дом Лидии и поселились в этом его родовом поместье.

Но только сейчас Неро почувствовал, что Тэсия ему нравится больше, чем друг. Хотя какая может быть дружба меж-

ду рабом и хозяином, ведь это всё ему только кажется. Но сердце мальчика вопреки здравому смыслу продолжало лелеять надежду. Ведь она же с ним играет. Вот и вчера поведала ему свой секрет. Это же всё не просто так и, вопреки всякому разуму и логике, Неро охватывало неведомое ему ранее чувство....

Неро трясла за плечо мать. – Ты чего стоишь? На что уставился?

Мать бросила взгляд в ту сторону, куда смотрел сын. – Ты чего, на кого уставился? Луциния развернула сына лицом к себе. – А ну, смотри на меня. Говори, о чём ты сейчас думаешь? Неро смущенно потупил взгляд вниз.

– Совсем ты не о том думаешь. Совсем не о том, – раздражённо бросила мать. – Иди лучше принеси лук и стрелы маленькой хозяйке, и будь уже готов, а то скоро всё начнётся.

Приглашённые гости быстро расходились. Празднование крещения это одно, а вот языческие праздники, к которым негативно относилась христианская церковь, это уже совсем другое. Дарион поспешил в дом, стремясь быть как можно дальше от этой вакханалии и бесовщины, и Лидия поспешила вслед за священником.

Во дворе расставили столы, запустив внутрь всю челядь и домашнюю прислугу, разрешив даже рабам присоединиться к празднованию. Из кухни опять раздался испуганный вой телёнка, и вскоре оттуда показались двое здоровенных рабов, которые волокли упирающуюся жертву.

У жертвенного алтаря, держа длинный и тонкий нож в руке, стоял Лисипп, широко улыбаясь во весь рот. Было видно, что этот праздник был ему по душе. Грек подошёл к телёнку, которого била крупная дрожь, наклонился к нему, погладил по шее, и что-то сказал ему на ухо. Телёнок расслабился, перестал трястись, и склонил голову вниз. Грек коротким резким движением вогнал ему нож в бок, меж рёбер. Телёнок охнул и беззвучно упал на землю.

Леонтий, схватив бокал и подняв его над головой, воскликнул. – Прими, Диана, этот дар. Пусть твоя рука никогда не дрогнет, и покараешь ты своих недругов и завистников, и никто не уйдёт от твоей стрелы справедливости, – и он одним глотком осушил бокал. – Засим я открываю наши малые секулярные игры в честь Дианы-покровительницы и в честь десятого дня рождения Тэсии, моей любимой дочери. Лисипп, вели открыть вина и налить всем страждущим.

Присутствующие криком приветствовали это хозяйское решение. Леонтия, уже даже не от вина, а от скорейшего прибытия в римские казармы, охватило радостное возбуждение, и он хотел поделиться своим хорошим настроением со всеми. Правда, вот Лидия убежала в дом, чтобы поддержать пришедшего в большое уныние священника. Супруга, правда, и сама тоже не разделяла симпатию и интерес Леонтия к языческим праздникам.

– Ну и ладно, – подумал Леонтий. – Главное, что дочка вон какая сейчас счастливая. Был бы у него ещё и сын, вот тогда

Леонтий был бы просто безмерно счастлив. Хотя и дочурка тоже весьма бойкая растёт. Вон, как с луком лихо управляется. Многим мальчишкам её возраста даст фору.

Раздались звуки группы греческих музыкантов, которых Леонтию посоветовал пригласить Лисипп. Под эти звуки, издаваемые игрой на щипковых инструментах, выскочила девушка-мим, изображающая Диану-охотницу. В белой тунике, в высоких сандалиях, опоясанная вокруг всего тела зелёным плющом и держащая в руках лук. Одновременно с ней выбежало и несколько девушек, изображающих быстроногих ланей, которые начали резвиться и ласкаться возле Дианы, кружась в хороводе. Потом лиричная музыка сменилась на тревожную, и в центр выскочило трое рабов, изображавших волков, которые принялись нападать на беззащитных животных.

Оркестр опять сменил тональность исполнения и в нём зазвучали победные нотки, и на авансцену вышла Диана, которая исполнила свой акробатический танец с луком, безошибочно пуская импровизированные стрелы в коварных хищников, которые падали бездыханными к её ногам. Толпа зрителей закончила это выступлением одобрительными криками и рукоплесканиями.

Леонтий встал и выкрикнул. – Раздать всем вина и начать подготовку к стрелковым соревнованиям. Приглашаются все желающие. Все, кто умеет держать лук в руках.

К Тэсии подбежал Неро. Девочка нахмурилась. – Ну, ты

чего, заснул там, что ли? Не слышишь, что давно уже объявили начало соревнований? Что ж ты такой неуклюжий? И зачем я только тебя взяла в свои оруженосцы?

Неро, опустил голову, сглотнув накативший комок обиды. – Простите, маленькая госпожа, я задумался.

Тэсия гневно на него взглянула. – О чём ты можешь ещё думать? Какие у тебя ещё могут заботы, кроме того, чтобы помогать мне? Ну, давай же скорее лук, недотёпа.

Леонтий снова встал из-за стола. – Сначала мы устроим детские состязания, и мишенью у нас будут яблоки, которые мы насадим на ограду.

Тэсия капризно надула губы. – Я не хочу участвовать в детских. Я хочу наравне со всеми.

Леонтий рассмеялся. – Хорошо, дочь моя, в честь твоего дня рождения пусть будет так. Мы не будем разделять участников. Пусть все участвуют наравне. И тот, кто будет точнее, тот и будет признан лучшим стрелком.

Тэсия подошла к отметке стрельбы и Неро передал ей стрелу. Тэсия взяла лук, натянула тетиву и прищурилась. Ветер слегка растрепал локон, и он прикрыл глаз. Девочка дунула в его сторону, чтобы он не мешал.

Но тут раб из обслуги, стоявший чуть в стороне, прохрипел, и, схватившись руками за горло, упал. Стрела пронзила его прямо в кадык. Тэсия в ужасе опустила лук, непонимающе смотря на него. Стрела по-прежнему была в её руках.

Тут из-за ограды со стороны дома с криками и воплями

выскочили десятки вандалов, окружив всех находящихся на празднике. Леонтий, выхватив меч, бросился на непрошенных гостей. Одного он заколол сразу, второго он полоснул по шее, и тот, упал, заливаясь кровью.

Тогда один из нападавших, бросился к Тэсии, и, прижав её к себе, приставил ей нож к горлу. Это был Трир, и он был настроен очень решительно. – Думаю, тебе стоит остановиться, римлянин, иначе это последнее, что увидит девчонка.

Леонтий остановился, тяжело дыша, с ненавистью смотря на врага. Его схватили сзади и скрутили руки два крепких воина-вандала. Тут из толпы выскочил Неро и бросился на вандала, державшего девочку, но, получив удар плашмя мечом по голове от одного из воинов Трира, упал на землю без сознания.

Из головы стала сочиться кровь, и Луциния бросилась к сыну, но вандалы оттащили её вместе с ним в сторону.

С другой стороны дома тут же показался второй отряд, во главе которого был Хильдебальд. Он быстро оценил обстановку, лицо его приняло недовольное выражение, и он повернулся к Триру. – По-моему, я сказал, что мы выходим на разведку, или что, мы уже воюем с маленькими девочками?

– Он, – Трир кивнул на Леонтия, – убил двух наших людей.

Леонтий, прекрасно знавший язык вандалов, повернулся к Хильдебальду. – Кто вы такие, и что вы делаете здесь, на моей земле?

Хильдебальд, удивлённо вскинул брови. – Откуда такие познания в нашем языке, римлянин?

Пленник расправил плечи, стараясь ососободиться от плотно державших его стражей, – Я, Леонтий, соратник великого полководца Аэция, к сожалению, предательски убитого. И в своё время под его руководством мы били вас, когда хотели, и где хотели, и поэтому твой язык для меня не в новинку, вандал. А кто ты вообще такой, чтобы я достаивал тебя своим ответом?

– А, Аэций. Да, помню, славный был воин, – с ухмылкой сказал Хильдебальд. – Вижу, что говорю с достойным мужем. Кстати, не только ты можешь похвастаться знанием чужих языков, – и тут вандал перешёл на римский язык. – Ты сейчас видишь перед собой человека, который столько выслушал предсмертных хрипов на твоём языке, что их хватило бы на очень длинную застольную речь. Я, Хильдебальд, командир отряда Гейзериха, призванный охранять эти южные рубежи, пока наш главнокомандующий сейчас входит со своим флотом в устье Тибра.

Леонтий дёрнулся. – Зачем? С какой целью? У нас же с вами мирный договор.

– Да, был. Мирный, с Валентинианом. Но не с узурпатором Максимом, – усмехнулся Хильдебальд. – Тем более, мы здесь не совсем незваные гости. Мы по личной просьбе вдовы Евдоксии.

Леонтий с ненавистью вскинул глаза на противника. – Ты

всё врешь, вандал. Она же нынешняя жена василевса Максима. Как такое может быть?

Хильдебальд усмехнулся, – Ты думаешь, она это сделала по любви? Только так он и смог стать вашим правителем, или как это у вас называется. Так что это обычная женская месть, ну а мы тут затем, чтобы помочь ей вершить справедливость и возмездие.

Леонтий вскипал от возмущения. – Мы и без вас сами разобрались бы. Нечего вам тут делать на священной римской земле.

Хильдебальд изобразил удивлённое лицо. – Простите, или я плохо вижу, но у вас сегодня секулярные игры, или я не узнал Диану-охотницу? А римская церковь вроде, как бы, помягче сказать, не очень приветствует это на священной римской земле, – рассмеялся Хильдебальд. Последние слова он произнёс подчёркнуто издевательски, и чеканя каждое слово.

Леонтий, дрожал от злобы и ненависти. – Вот это совершенно тебя не касается, дикарь. Были бы здесь мы один на один, я бы намотал твои кишки на мой меч.

– Успокойся, римский воин. Я не пришёл сюда убивать, тем более, на глазах у твоей семьи. Вот если бы я встретился с твоим отрядом в открытом бою, вот это было бы другое дело. И тогда я бы сам посмотрел, какого цвета твои внутренности, – невозмутимо ответил на вызов Хильдебальд. – А сейчас, чтобы не ранить твоё самолюбие, мы запрём тебя

и твоих людей, чтобы не мешались у нас под ногами. Мы ещё пока тут не всю местность осмотрели. Кстати, заранее извиняюсь, если мы немножко заберём кое-что из вещей в твоём доме. Поверь, если я и это запрещаю своим воинам, боюсь, придётся забирать всё это уже у мертвых хозяев. Так что у твоей гордыни особого выбора, к сожалению, нет. Видишь, я стараюсь вести себя, как вежливый гость.

Промиус, бывший всё это время с отцом, был сильно обеспокоен и угнетён увиденной им картиной. Вот в луже крови бездыханно лежат два его знакомца с корабля, а Трир держит нож у горла какой-то девочки. Разве они пришли воевать с нею? Что может им сделать эта маленькая девочка? Хотя, когда он встретился с ней глазами, в глазах у той сверкала такая ненависть и презрение, что можно было подумать, что это не глаза какой-то девчонки, а какого-то настоящего взрослого воина. И кроме всего, у неё в руках был хоть и маленький, но лук. Значит, тут не только взрослые, но и девчонки воюют, – и тут Промиус окончательно запутался.

В этот момент Трир ослабил внимание и Тэсия, извернувшись, укусила его за руку. Вандал крикнул от боли и выпустил её. Девочка подбежала к Хильдебальду и также вцепилась тому в кисть, и начала его колотить по всему корпусу. Хильдебальд, рассмеявшись, отцепил её от себя и, подняв одной рукой девчонку за шиворот, принялся рассматривать. Леонтий зарычал от злобы.

– Римлянин, так это твоё семя? Да, похожа. Ну, раз она

такая буйная, как и отец, запирайте тогда и её тоже с ним, не то она всех тут перекусает, – глумливо бросил Хильдебальд, под общий смех вандалов.

Глава 8. Ольдих.

Несколько часами ранее. Корабль вандалов прибыл к планируемой точке высадки. Трир построил всех на верхней палубе.

Хильдебальд обратился к воинам. – Братья! Нам всем предстоит выполнить важную миссию. Задачу охраны южных тылов армии Гейзериха. Насколько мы тут задержимся, не знает никто. Поэтому первая наша задача, это организовать здесь форпост. В округе во множестве разбросаны виллы римских землевладельцев, в одной из которых и будет наш штаб. Для этого мы должны провести разведку всей территории, и потому разделимся на два отряда. Один возьму я, второй отряд возглавит Трир. Каждый возьмёт с собой по двадцать человек, а оставшиеся должны обустроить жилиё на берегу и развернуть постройку причала.

В шеренге начался ропот. – А почему одним достанется всё самое ценное, а оставшимся ничего? И мы ещё в придачу будем за них тут работать?

Хильдебальд недовольно поморщился. – А почему здесь кто-то решил, что мы прибыли сюда, чтобы грабить? Мы выполняем приказ Гейзериха о том, чтобы наказать узурпатора Максима, а нашу текущую задачу я только что озвучил. Это организовать южные форпосты защиты.

Ропот в шеренге не унимался. — Мало того, что нас не взяли в основной корпус, так нас и здесь хотят оставить в дураках.

К уху Хильдебальда склонился Трир. — Позвольте капитан, я им сам скажу.

Хильдебальд недовольно кивнул. Трир, повернувшись к шеренге, прокричал. — Парни, спокойствие. Никто здесь никого не хочет обмануть. Капитан говорит о том, что все будут работать посменно. То здесь на работах, то в дозоры ходить, — и с улыбкой подмигнул. — Сегодня мы просто проверим, нет ли римских псов поблизости. А с завтрашнего дня, если выполним все указания капитана, то никто нас не осудит, если мы очень аккуратно пощиплем местных курочек и этих жирных боровов, которые сильно кичатся своим римским происхождением.

Толпа одобрительно загудела, и криками приветствовала помощника капитана. — А Трир дело говорит! Пусть капитан даст своё слово, что так и будет.

Трир повернулся к капитану. — Дайте им сейчас своё согласие. Пусть они успокоятся. А с особо буйными я потом сам разберусь.

Хильдебальду совершенно не нравилось то, что Трир перехватывает у него бразды управления командой, но сейчас надо было соглашаться. И как же он мог так ошибиться в Трире? В тех бойцах, которые были давно с ним, он был уверен, а вот эту матросскую бригаду, которая была на этом ко-

рабле, и которой так ловко манипулировал помощник, он почти не знал.

Хотя он и в Трире раньше был железно уверен, и тут уже поневоле начнёшь во всех сомневаться. Поэтому, если он сейчас объявит об аресте Трира, то не избежать кровавой бойни между двумя группировками. Нужно сделать это осторожно, но уже там, на берегу. А сейчас выбора у него, конечно, не было, и Хильдебальд нехотя кивнул. Толпа радостно взревела.

– Командир, – помощник повернулся к Хильдебальду, – я уже отобрал людей для своего отряда. Это будут парни из корабельной команды. Я просто их неплохо знаю, и они меня слушаются, простите, и вас конечно тоже, – тут Трир подобострастно улыбнулся. – Но просто я знаю, как быстрее находить с ними общий язык. На ваших воинов я не претендую, это ваш выбор, командир, кого вы отберёте для высадки. Хотя, если надо, мы перетрясём всё заново, и сделаем так, как вы скажете.

Хильдебальд похлопал Трира по плечу. – Ты отличный помощник, Трир. Пусть будет так.

Помощник почтительно кивнул. – Командир, так вы даёте разрешение приступить к высадке?

Хильдебальд кивнул. – Да, давно пора. Значит, ты со своим отрядом идете справа от той дороги, – командир указал на едва заметную на суше тропинку, начинающуюся от берега, – а мы пойдём слева. Через два часа идём навстречу друг

другу, там и обменяемся информацией.

Капитан отправился на нос корабля, а Трир подозвал к себе Ульрика, стоявшего в отдалении и руководившего высадкой из корабля и посадкой на шлюпы. – Первых двадцать бойцов из отряда капитана и первых двадцать матросов отправишь вон к той точке, остальных отправишь на берег и организуешь работу по сооружению причала для погрузочно-разгрузочных работ.

Ульрик наклонился вперёд и тихо спросил. – А разве я не с вами?

– Ты мне нужен здесь, возле корабля. Разведываешь, что тут и как, какие настроения. А потом возьмёшь ещё десяток наших и бегом дуешь ко мне, – сквозь зубы ответил ему Трир.

– Я понял вас, помощник капитана, – с хитрой понимающей улыбкой ответил Ульрик.

Хильдебальд стоял и наблюдал за процессом высадки, когда его тронул за рукав Промеус. – Отец, а ты уже знаешь, что нам дальше делать? А где Ольдих? Я его нигде не могу найти.

Командир, очнувшись от собственных мыслей, повернулся к сыну. – Да, конечно...

И тут он увидел, как за ними наблюдает со стороны Трир и, переменяв тон, для острастки прикрикнул на мальчика. – Воин, а почему вы ещё не готовитесь к высадке? А ну бегом, исполнять приказание.

Промеус, не понимая, что это уже была игра для посто-

ронных глаз, недоумённо пробормотал. – Я только хотел спросить, где Ольдих.

Хильдебальд раздражался оттого, что сын не понимает, что от него требуется в данный момент, и закричал ещё сильнее. – Откуда мне знать, где этот толстяк и пропойца Ольдих? Наверное, на кухне твой друг.

Мальчик уже еле слышно пролепетал. – А я его там не видел.

Но отец его уже не слушал. – А ну, бегом исполнять приказ капитана.

Промиус весь бледный и растерянный, присоединился к команде, готовящейся на отплытие с корабля.

Ранее этой ночью.

Ольдих помнил, как подошёл к заговорщикам, чтобы отвлечь их внимание от Промиуса, которого он отправлял к отцу. Помнил, как подсел к ним, как ему налили вина, а потом его кто-то сзади сильно ударил по голове. Когда он очнулся, он сидел на том же месте, но был уже связанным и с кляпом во рту. Он увидел Ульрика, который к нему склонился.

– Ну, наконец-то очнулся. Ты меня слышишь? Мотни головой, если так.

Ольдих энергично замотал головой.

– Вот и славно, – Ульрик усмехнулся. – Неужели ты подумал, что тут сидят одни круглые идиоты? Ты же всё прекрасно слышал, что здесь говорили. Ну и как нам с тобой сейчас прикажешь поступать? Ты же понимаешь, что мы не можем

отпустить тебя. Мне действительно искренне очень жаль тебя, увалень. Кстати, этот щенок, сыночек капитана, надеюсь, ничего не знает?

Ольдих яростно замотал головой из стороны в сторону и замычал.

– Ты что-то хочешь сказать? Толстяк утвердительно кивнул.

– Я сейчас выну кляп из твоего рта, но ты пообещай, что орать не будешь. Ольдих послушно замотал головой. Ульрик вынул кляп, и Ольдих закашлявшись, быстро заговорил. – Клянусь, мальчишка ничего не знает. Я специально его разбудил и отправил отсюда, чтобы он по молодости какой-нибудь глупости не совершил.

Ульрик внимательно смотрел в лицо толстяку. – Ну ничего, Трир как раз сейчас наверху. Он это дело быстро проверит. А вот с тобой нам придётся проститься, ты же всё равно всё разболтаешь обо всём Хильдебальду.

В этот момент к ним спустился Трир. – Отбой. Всё нормально. Мальчишка ничего не знает.

Ольдих незаметно для всех облегчённо выдохнул.

– Трир, а что нам делать с этим? – спросил Ульрик.

Трир повернулся к Ольдиху. – Да, уж прости, толстяк. Мне и самому очень жалко, что так получилось, но ты действительно не оставил нам никакого выбора. Вернее, у тебя есть выбор, либо мы тебя без лишнего шума, не связанного, выбрасываем за борт, и да помогут тебе хорошие духи

добраться до берега. Либо мы тебя всё равно выбрасываем за борт, но связанного и с кляпом во рту, и у тебя нет даже шансов успеть прочесть молитву Святovidу.

Ольдих тяжело выдохнул. – Трир, это же открытое море. Какой же это выбор? У меня же нет никаких шансов спастись.

– Ну, раз не видишь разницы, – значит, давай действительно тебя свяжем. Зачем понапрасну мучиться?

Ольдих грустно улыбнулся. – Нет-нет, давайте, я ещё немного помучаюсь. Только единственную просьбу можно?

– Ну валяй. Что ж мы, звери какие, – снисходительно улыбнулся Трир.

– А можно мне напоследок выпить ещё вина, а то море сейчас совсем не тёплое, ну, чтоб сразу не замёрзнуть.

– Конечно, как я могу в этом тебе отказать? А ну-ка, дайте скорее этому славному малому вина. Пусть нормально простится с единственным своим верным другом – бочонком, – под сдержанный смех матросов, распорядился Трир.

Ульрик схватил Трира за руку. – Что ты делаешь? А если он спасётся? Он же всё разболтает. Его нельзя так оставлять. Его надо наверняка скормить рыбам.

– Ну, от рыб он и так никуда не уйдёт в открытом море. А если и не утонет, в чём я сомневаюсь, то мы уже будем далеко отсюда и с богатой наживой. Ты же понимаешь, что назад нам дороги нет, – грозно посмотрел на Ульрика Трир. – А брать на себя лишний грех в виде убийства безвредного

толстяка, что-то мне не хочется. А так он просто выпадет пьяным с корабля, а дальше пусть его судьбу решат боги.

– Хорошо, Трир, – смиренно ответил Ульрик.

Трир развеселился, глядя, как жадно пьёт вино Ольдих. – Ну что, там, в бочонке ещё что-то осталось?

В ответ раздался весёлый выкрик одного из матросов. – Да уже меньше четверти, уж точно.

– Ладно, Ольдих, я делаю тебе щедрый подарок, – возьми свою подружку с собой. Будет тебе и спасительная соломинка, будет тебе и с кем поговорить в последние минуты.

Матросы уже валились на пол от хохота, стараясь своим смехом не разбудить остальную команду. Трир взмахом руки прервал ненужное чрезмерное веселье. – Всё, не тяните kota за хвост. Ведите его наверх и выбрасывайте. А ты, Ульрик, отвлеки дозорного. Отнеси-ка ему вина, чтоб больно не вертел головой по сторонам.

Ольдих плюхнулся в воду. Где-то рядом с ним гулко плюхнулся и бочонок, почти весь ушедший под воду, лишь слегка выглядывая над поверхностью моря. Корабль стремительно под напором ветра уходил от него. Ольдих подтянул бочонок к себе и, открыв зубами пробку, перевернув его, начал аккуратно сливать оставшееся вино из бочонка. Бочонок начинал приобретать все большую и большую устойчивость и уже вполне прилично держался на воде.

Ольдих слил ещё чуть-чуть, благоразумно оставив жидкости на дне. Вино ему ещё понадобится, ибо, несмотря на

очень жаркую погоду днем, море было не очень теплым. Корабль уже был довольно далеко, и Ольдих, рассудив, что судно всё равно движется к земле, принял решение плыть за ним. Через пару часов Ольдих был уже сильно вымотан. Руки, постоянно держащиеся за бочонок в неудобном положении, уже порядком затекли, но не это было сейчас основным врагом Ольдиха.

Холод. Холод уже полностью подчинял себе толстяка. Если бы он был менее тучной комплекции, то давно бы уже окончательно замерз, но приличная жировая прослойка и вино, его спасительная соломинка, ещё поддерживали в нём необходимую температуру, чтобы плыть и думать.

Корабль, за которым он плыл, уже давно исчез за горизонтом, но ещё какое-то время ему казалось, что он видит свет от банок над рулевым, но потом и это перестало ему казаться. Ольдих попробовал ещё раз отхлебнуть из бочки, но слабеющие руки его подвели и бочонок, развернувшись, оказался дыркой для слива под водой и начал зачерпывать в себя морскую воду. Ольдих развернул бочонок, но было уже поздно, внутрь попала морская вода, и то, что там сейчас плескалось, уже вряд ли можно было пить и уж точно не являлось спасительным лекарством.

Ольдих закрыл бочку кляпом, и повернулся на спину, смотря на звезды. Они безжизненно и безразлично на него глядели, мерцая холодным цветом. Толстяк уже устал бороться и смирился со своей участью. Холод постепенно ско-

вывал все его тело, и ему в какой-то момент показалось, что вот сейчас на небе он видит Промиуса, и тот смотрит на него. Не так, как эти безразличные огни, что в бесчисленном количестве усыпали весь небосвод. Ему даже показалось, что мальчик смеётся и подмигивает ему. Да-да, он ему подмигивает, причём поочерёдно, то обоими глазами сразу, то как-то невпопад.

Ольдих протёр рукой лицо от воды и снова всмотрелся в глаза. Да-да, они точно подмигивали ему, и они были живыми. Ольдих внимательно всмотрелся и понял, это были не звёзды и эти огоньки были не на небе. Это были две светящиеся точки далеко на горизонте, и потом их оказалось гораздо больше. Это были корабли. Корабли других команд Гейзериха, которые, как и корабль Хильдебальда, также шли своим ходом к Риму и сейчас они, хвала Святовиду, двигались прямо на него.

Глава 9. Невольные союзники.

На конюшне Леонтия.

Когда Неро пришёл в себя, он обнаружил, что находится в каком-то слабоосвещённом помещении и его голова лежит на коленях у матери. Голова жутко болела, и ещё очень хотелось пить. Пока глаза привыкали к темноте, Неро понял, что здесь не только они с матерью. Он узнал это помещение, это была хозяйская конюшня. Мальчик хотел было приподнять голову, но тут же застонал от боли.

К нему наклонилась Луциния. – Сынок, как ты?

Неро с трудом разлепил пересохшие губы. – Ничего, только пить очень хочется.

– Сейчас, милый, потерпи, сейчас принесу. Луциния приподняла сына и помогла ему сесть, прислонившись к стенке, а сама ушла вглубь конюшни. Голова у мальчика кружилась, его слегка тошнило, но теперь он мог рассмотреть подробней, что творится вокруг него.

В дальнем углу сидели хозяева виллы, Леонтий и Лидия с дочерью. Рядом с ними были грек-повар и священник. Чуть поодаль от них сидела группа музыкантов и танцовщиц. Неро находился среди третьей группы из нескольких темнокожих рабов, обслуги по кухне и дому.

Тэсия увидела, что мальчик очнулся, и указала на это отцу. Леонтий встал и подошёл к мальчику. – Ну что, жив, воин-освободитель? Ты, видать, сын рабыни, которая работает на кухне? Как тебя зовут?

Леонтий никогда раньше не разговаривал с Неро, и у мальчика пересохло в горле от волнения, и он пробормотал нечто несвязное.

– Ясно, – Леонтий понимающе кивнул. – Видать, тебя крепко по башке приложили. Ну что ж, хоть один воин в этом доме оказался, который был готов вступить за жизнь моих родных. Все остальные как будто уделались от страха, хотя, что тут требовать с крестьян? Леонтий горько усмехнулся. – А, ты малой, молодец. Вот когда мы выйдем отсюда, скажу, чтобы тебя убрали с полевых работ. Будешь здесь, по

дому помогать.

Тэсия, также подошедшая к мальчику, с укором заметила. – Папа, так он уже и так работает на кухне.

На лице Леонтия было неподдельное изумление. – А, так вы уже позаботились о нём? Молодцы, быстро же вы! Когда успели?

Тэсия с удивлением уставилась на отца. – Папа, ну ты чего, совсем что ли? Он давно уже при доме.

– Да? Странно. А я что-то его раньше не замечал, – смущённо пробормотал Леонтий.

Тэсия усмехнулась, – Ещё бы ты, папа, кого-то когда-то замечал бы? Пап, ему, наверное, пить очень хочется. Можно я ему дам немного нашей воды?

– Ну да, конечно. Скажи Лисиппу, пусть даст.

Леонтий уставился на узкую полоску света, проникающую через створки ворот. – А нас тут долго собираются держать? Он подошёл к ним вплотную и что есть сил забарабанил по доскам.

С той стороны подошёл охранник и грубым голосом спросил. – Чего надо?

Леонтий понял, что он сейчас не в том положении, когда нужно обращать внимание на хамское обращение, и пропустил это мимо ушей. – Воин, позови твоего командира. Я хочу узнать, какие у него дальнейшие планы насчёт нас.

Воин засмеялся. – Если будете себя хорошо вести, через пару дней может, и выпустят. А командира сейчас нет. Позже

будет. Сидите уже тихо там.

Лоентий почувствовал, что его гнев вот-вот вырвется наружу, – Воин, тогда принеси воды и кое-чего поесть, если, конечно, у вас нет задачи нас уморить.

Охранник замялся. – Насчёт кормления никаких распоряжений не было. Хорошо, ждите.

Вандал крикнул куда-то в сторону, и судя по приближавшимся звукам, ещё несколько вандалов подошли к воротам. И тут, с той же стороны двери, раздалось поскребывание и поскуливание.

Неро сразу узнал, кто это мог быть. – Бруно, Бруно, – позвал он негромким голосом.

Тут же раздался грозный окрик, глухой удар и щенок, жалобно поскуливая, убежал от двери. Через некоторое время ворота в конюшню закрипели и в проёме появились несколько рабов с подносами, которых сопровождали вандалы с обнажёнными мечами. Вместе с ними в открывшиеся двери, под ногами у воинов, внутрь проникнул и щенок и принялся озираться по сторонам. Неро тихо присвистнул, и щенок с лаем понёсся к мальчику. Один из воинов хотел было догнать собаку, но благоразумно решил отказаться от этой идеи, ведь гоняться за псом среди озлобленных пленников в полумраке было бы не самым умным решением. Рабы положили подносы с едой на землю и вышли вместе с охранниками. Ворота снова закрылись, и в конюшне снова стало темно.

Тэсия подошла к отцу. – А можно я отнесу еды моему

защитнику и поблагодарю его за то, что он хотел вступить за меня?

Леонтий кивнул. – Это твой долг, дочка, конечно, отнеси. Малой заслужил.

Тэсия взяла поднос и пошла в тот угол, где сидел Неро. Мальчик всё ещё чувствовал себя не совсем хорошо, но уже гораздо лучше, чем когда он только-только пришёл в себя. Девочка села рядом с ним, также прислонившись к стене. Бруно, лежавший рядом с мальчиком, привстал на задние лапы и, упёршись передними в грудь Тэсии, принялся облизывать девочку. Девочка притворно отталкивала щенка. – Уйди, надоедливый пёс. Прекрати ко мне приставать. Вот, бери, – обратилась она к Неро, – здесь еда и вода.

Девочка поправила локоны. – Я вроде как ещё не сказала тебе спасибо? Вот говорю.

Неро замотал головой. – Да я же ничего не сделал.

– Знаю, но ты же ведь хотел? Ты ведь это ради меня на него бросился? Или если на моём месте был бы кто-то другой, ты также бы поступил? – Тэсия внимательно посмотрела на раба.

Хорошо, что разговор происходил в темноте, и Тэсия не видела, как краска смущения залила щёки мальчика. Хотя даже на свету смуглая кожа не позволила бы это увидеть, но Неро чувствовал, что его лицо просто полыхает огнём. – Я и другим бы помог, если б они оказались в опасности, – против желания прошептали его губы.

Девочка недовольно хмыкнула и надула губки. – Всё с тобой ясно. Кстати, дай мне тоже хоть что-то поесть. Я что, только тебе это принесла?

Неро смущённо подвинул поднос в её сторону. Тэсия почувствовала, что из-за всех этих переживаний тоже изрядно проголодалась, и жадно вгрызлась в мясо.

Неро, чтобы сгладить неловкость, спросил. – А как мы все здесь оказались?

Тэсия быстро проглотила кусок, бывший у неё во рту и вытерла рукавом рот. – Ааа, так ты же всё это проспал. Ну, слушай. В общем, тот, что меня схватил, это, оказывается, не самый их главный. Их командир потом появился. Наверное, сразу после того, как тебя ударили. Он о чём-то ругался с моим папой, а я вырвалась и его покусала. Нет, я сначала покусала того, кто меня схватил, а потом и их главного, тоже успела разок схватить. Так что, не только ты тут один храбрый, я тоже им показала. А если бы не отобрали лук, они бы уже молили меня о пощаде.

Неро хотел сделать глоток из кувшина, но Тэсия вырвала его у него, отпив большой глоток, и продолжила. – А потом он сказал, что направляет всех рабов, которые работают в поле, куда-то туда, в сторону моря. Они что-то там будут строить. А нас, всех остальных, заперли здесь.

Лидия, которой не нравилось, что дочь чересчур долго общается с рабом, недовольным голосом позвала Тэсию к себе.

Проигнорировать маму в данной ситуации было бы край-

не неразумно. – Ну ладно, я пойду уже, а то у меня ещё есть дела. Не всё же с тобой тут о всякой ерунде разговаривать. Девочка встала, отряхнулась и с достоинством пошла в свой угол, к родителям.

Леонтий с греком отошли в самый дальний угол и разговаривали на пониженных тонах. – Ну, вот куда я сейчас дёрнусь с женой и дочкой? Снаружи, несколько десятков вандалов. А у нас тут всякий сброд – музыканты, рабы, танцовщицы. Эх, говорил же я, что надо было в Рим вчера всем собираться. Хотя, что же тогда сейчас там, в столице, творится? Нет, всё равно я должен быть сейчас там, – Леонтий с досады хлопнул себя по ноге.

Тем временем в доме Леонтия.

Хильдебальд в гостиной давал указание Триру. – Ну что ж, по расположению этот дом стоит почти идеально. Вполне можно сделать его нашим форпостом. Отсюда идёт широкая дорога на Рим, да и дороги сюда приходят с двух сторон. Так что мы здесь и остановимся, а ты давай расставь посты и создай группу охранения, которая будет контролировать дорогу отсюда, вплоть до места нашей высадки.

Трир перебил командира. – Хильдебальд, позволю себе напомнить о вашем же обещании, что вы разрешите парням чуток проверить местные кладовые запасы. Тут в округе, по данным наших ребят, есть ещё несколько весьма богатеньких вилл. Надо парням дать немного выпустить пар.

Хильдебальд поморщился. – Ну ладно, но сначала сделай

необходимое, а потом можешь дать им вольную, только без перегибов, как сегодня. Это всё же крестьяне, а не воины.

Трир развёл руками в стороны. – Но позвольте, командир, а как бы мы сегодня обозначили серьёзность нашего здесь присутствия?

Хильдебальд покачал сначала головой, а потом кивнул. – Ладно, я тебя понял, иди.

Трир вышел во двор. Хильдебальд нервно ходил по комнате, обдумывая свои следующие действия, а потом выглянул в окно. На крыльце перед входом сидел Промиус, ковыряясь палочкой в песке. Вдруг мальчик резко вскочил и побежал крадучись, за угол дома. Хильдебальд подбежал к окну и распахнул шире его створки. Высунувшись из окна, он решил проследить, куда это так резко сорвался Промиус, но сына, похоже, уже и след простыл.

Хильдебальд хотел было закрыть окно и пойти его искать, но тут увидел, как в углу двора собралась кучка солдат и матросов, среди которых он узнал Трира и его помощника Ульрика. Заметив, что за ними наблюдает Хильдебальд, Трир резко выкрикнул что-то, и кучка быстро разбежалась, а Трир почтительно наклонился в сторону командира.

Хильдебальд закрыл окно. Надо уже что-то делать с Триром и этой группой изменников, но, признаться честно, у него не было ясного и чёткого плана. Изменник опять спутал ему все карты, направив часть воинов из отряда Хильдебальда на сопровождение рабов для сооружения причала,

а другая часть была отправлена на блокпосты, и на данный момент непосредственно на территории виллы у сторонников Трира было превосходство в живой силе. Необходимо было срочно что-то предпринимать, а то пока всё шло по тому сценарию, который, видимо, задумал Трир.

В этот момент кто-то постучал в окно с заднего двора, с противоположной стороны дома. Хильдебальд подошёл к окну и выглянул из него. Там, пригнувшись, сидели Промеус и Ольдих. Хильдебальд открыл створку, и те тихонько пролезли в гостиную.

Хильдебальд непонимающе уставился на толстяка. – А ты откуда здесь? Я тебя в команде высадки не видел. Разве ты не должен быть на корабле?

Ольдих рассказал всё командиру и его сыну. Про то, как он услышал все разговоры Трира. Про то, как его разоблачили, и про то, как выкинули с борта корабля и как его, обесиленного подобрали, идущие за ними корабли Гейзериха.

Но он никому ничего не сказал о настоящих причинах его нахождения в море. Просто сказал, что напился и упал за борт вместе с бочонком, по причине пьянства. А потом днём он уже увидел наш корабль и место высадки, и попросил его здесь оставить. А потом тайком от всех уже пробрался сюда.

Промеус во время рассказа толстяка периодически брал Ольдиха за руку и невольно сжимал, словно хотел помочь своему другу в тяжёлые моменты его повествования и убедиться, что он действительно живой и сейчас рядом с ними.

– Ну вот, капитан, вот такая гнида у нас наш Трир, – закончил свой рассказ толстяк.

Хильдебальд горестно улыбнулся. – Да, я уже всё знаю. Сын мне прошлой ночью всё рассказал. Только зря ты не рассказал капитану того судна всю эту историю, мы сейчас бы вместе с ним скрутили всех мятежников.

Ольдих решительно замотал головой, – Командир, если бы я это сделал, тогда о вас пошла бы дурная слава, как о человеке, который не мог разглядеть врага под собственным носом, и который допустил такой разлад в своей команде. Думаю, что Гейзериху это точно бы не понравилось.

Хильдебальд нахмурился. – А ты прав, Ольдих. Спасибо тебе, дружище. Это сейчас то, что меньше всего мне нужно. Ладно, мы сделаем это сами, своими силами. Но надо что-то делать, только вот ума не приложу, что и как? По уму, арестовать бы сейчас Трира и казнить его тут же, как изменника, но сейчас, к сожалению, численное преимущество в живой силе, увы, на его стороне. Нам бы

Толстяк извиняющимся тоном перебил его, – Командир, у меня совершенно пересохло в горле. Вы не могли бы налить старине Ольдиху за все его мучения?

– Ты неисправим, Ольдих, – улыбнулся Хильдебальд. – Промиус, иди, сбегай во двор и скажи, что капитан проголодался и просит принести ему что-нибудь перекусить.

Промиус бегом направился к двери, но тут дверь распахнулась и в комнату вошли, весело переговариваясь друг с

другом, Трир, Ульрик и сзади них еще двое их матросов с мешками.

Хильдебальд нахмурился. – Почему не стучимся перед входом, помощник, или совсем забыли субординацию?

Улыбки у входящих мгновенно сползли с лиц, когда они увидели рядом с Хильдебальдом Ольдиха. Мгновенно оценив обстановку и поняв, что все его планы, скорее всего, раскрыты, Трир притянул к себе опешившего от неожиданности мальчишку и, приставив к его горлу нож, зарычал. – Без глупостей командир, без глупостей. Нож очень острый. Ульрик и двое матросов, сбросив мешки с плеч, обнажили свои мечи.

Хильдебальд еле успел рукой удержать Ольдиха, готового броситься на Трира. – Спокойнее, мой друг, спокойней. С этими свиньями мы бы ещё справились, но они могут покалечить Промиуса. Хильдебальд старался быть рассудительным, хотя это ему давалось с большим трудом.

– Как долго же ты притворялся, Трир. Представляю, насколько же тебе было тяжело. Вот совсем уже опустился, воюешь с детьми. А может, просто ты выбираешь себе соперника по рангу? Возможно, потому, что боишься выйти против взрослого мужчины?

Трир ухмыльнулся. – Командир, не говори глупости, мы все рабы обстоятельств. Против тебя у меня шансов нет, поэтому надо трезво оценивать свои силы.

– С каких это пор ты предал меня, Трир? Глаза Хильде-

бальда были преисполнены презрения.

Трир усмехнулся. – Командир, знаете, а мне надоело быть помощником. Сколько лет, помощник да помощник. Ну, да, помощник самого Хильдебальда, одного из героев взятия Карфагена. А сейчас что, герой Карфагена? Как Гейзерих тебе отплатил за твою верную службу? Вот-вот, именно. Ну и что у меня сейчас в итоге, ни денег, ни славы. Ну, со вторым я уже как бы смирился, но вот отсутствие денег меня сильно напрягает. Ты уж извини, к тебе никаких претензий, да и к Ольдиху тоже.

Трир улыбнулся, обращаясь к Ольдиху, кипевшему от негодования. – Я вот смотрю, что наш толстяк очень живучий. Неужели Бог вина так сильно тебя бережёт? Ладно, командир, когда все карты уже раскрыты, думаю, нам тут нечего в кошки-мышки играть.

Он повернулся к своим сообщникам. – Ульрик, а сходи-ка во двор, и сделай то, о чём мы с тобой договаривались.

Ульрик стремительно выбежал из комнаты. Хильдебальд дёрнулся. – Если ты хоть кого-нибудь тронешь из моих людей...

Трир плотнее прижал к себе мальчика, слегка надавив ножом на его горло. – Спокойно, Хильдебальд. Мне ни лишнего шума, ни лишних смертей не нужно. Просто посидим тут с тобой, подождём.

Трир пододвинул к себе стул и сел на него. Через некоторое время сквозь окна на улице послышались крики и шум,

а ещё через некоторое время в гостиную вернулся Ульрик.

– Всё сделано, мой капитан, – сказал он, обращаясь к Триру.

– Ну-ну, я ещё не капитан, Ульрик, – с улыбкой сказал Трир, – но мне нравится это обращение, продолжай.

– Все воины Хильдебальда схвачены и поставлены перед фактом. Или они разделят участь своего командира, или пойдут вместе со всеми в Рим за богатствами. Почти все согласились, лишь только двое отказались подчиниться.

Трир победоносно взглянул на Хильдебальда. – Ну что, вот она, верность твоих воинов. Ладно, поступим, значит, так. Бросить всех к римлянам в конюшню и усилить охрану, – сказал он, повернувшись к Ульрику. – А то я очень удивлён, как это у тебя толстяк смог незаметно пройти все выставленные дозоры? Это как можно было просмотреть эту крадущуюся гору неуклюжего мяса? Они что там, все пьяные у тебя?

– Хорошо, мой капитан, я прослежу, чтоб там стояли надёжные люди, – тихо сказал Ульрик. – Но разве мы не делаем ошибку, что оставляем их всех в живых? Вот с Ольдихом уже промашка вышла, а ведь я предупреждал, – с еле скрываемой ехидцей в голосе, произнёс помощник новоиспечённого капитана, стремясь ответно уколоть его.

Трир с сожалением посмотрел на Ульрика. – А ты понимаешь своей куриной башкой, что если мы сейчас демонстративно их убьём, то об этом узнают на корабле, да и на бли-

жайших кораблях эта новость тоже будет. Да мы так даже до Рима дойти не успеем. А уж представь, как разъярится потом Гейзерих, когда вся правда вылезет наружу. Одно дело, наказать убийц одного из своих командиров, а другое дело – искать каких-то воришек, которые ослушались приказа и оставили место назначения. В первом случае он никогда не оставит попыток нас найти. Это будет удар по его гордости. А вот, во-втором, вероятнее всего, просто назначат какую-то награду за нашу поимку, и через год-два о нас все позабудут. Но я, конечно, – Трир посмотрел на Хильдебальда, – могу и поменять своё решение, если мне что-то не понравится, и если загнать меня в угол.

Трир надавил посильнее ножом и на горле Промиуса показались капельки крови. – Ну что, капитан, я могу вас запереть в сарае и надеяться, что вы не будете бузить?

Помощник Хильдебальда удовлетворённо улыбнулся. – Ну, всё ясно, по глазам же вижу, что ты согласен. Ну что, Ульрик, новый помощник капитана, бросайте их всех к этому спесивому римлянину. Пусть они там поворкуют. Скорее всего, у них наверняка найдутся общие темы, – сказал Трир и ухмыльнулся. – И да, Ульрик, представьте, наконец, меня моей команде.

– Есть, командир, – улыбнулся Ульрик.

Вечерело. Солнце уже было готово сесть за горизонт, лаская своими последними лучами землю, как около ворот в конюшню раздалась какая-то возня, шум, громкие возгласы

и створки дверей распахнулись. Бруно привстал на лапы и, ошестинившись, зарычал.

В помещение втокнули четверых связанных здоровых мужчин и одного мальчишку, и двери снова захлопнулись. Леонтий подошёл к лежавшим на полу фигурам и тут он разглядел, что это тот самый командир вандалов, по чьему приказу он был брошен сюда вместе со всеми.

Он радостно вскрикнул. – Ага, я так и знал, что римские легионы уже здесь.

Леонтий подбежал к воротам. – Мы здесь, мы здесь! Здесь я, Леонтий, римский командир, откройте же дверь, наконец! И он изо всех сил начал бить ногами в ворота.

С той стороны он услышал вандальскую речь, на которой его нецензурно просили закрыть свой рот и сидеть тихо. Леонтий, ничего не понимая, отошёл от двери, снова подошёл к Хильдебальду и, взяв его за куртку, начал трясти. – Да что здесь, чёрт побери, происходит? – заговорил он на вандальском языке.

Промиус бросился на Леонтия с кулаками, но Хильдебальд криком остановил его. – Сиди спокойно, я сам разберусь, – и обратился к римлянину. – Может, ты перестанешь меня трясти и развяжешь, или ты меня, связанного, сейчас затрясёшь до смерти?

Леонтий злобно рассмеялся, – Да я тебя просто удушу сейчас, и никто меня здесь не остановит. Ты будешь говорить или нет, а то я просто перестаю понимать, что здесь вообще

происходит?

Леонтий тяжело дышал, плотно стискивая ворот рубашки на горле вандала. Хильдебальд захрипел от недостатка воздуха. – Если ты не понимаешь, что я такой же пленник, как и ты, то мне не о чём с тобой разговаривать. Развяжи меня и моих людей, и мы сможем спокойно поговорить.

Леонтий, остывая. – Лисипп, развяжи пока руки этому молчуну, а потом мы подумаем, что нам с ним делать. Хорошо, говори, вандал.

Хильдебальда развязали, и он рассказал всё, что произошло за эти последние дни. Леонтий, не перебивая, молча слушал рассказ вандала об их путешествии сюда и о предательстве Трира.

Вандалу показалось, что Леонтий с некоторым сочувствием воспринял его рассказ, и он решил это проверить. – Ну вот, видишь, сейчас мы с тобой невольные союзники.

– Чёрта с два, какие мы ещё с тобой союзники? Как только придут сюда римские легионы, я предам тебя суровому, но справедливому римскому суду. – Леонтий был решителен и непреклонен.

– Вынужден тебя огорчить, римский гордец. Гейзерих прибыл сюда с таким войском, равного которому сейчас римская империя выставить просто не в состоянии. После того, как убили Аэция и разогнали верных ему полководцев, Рим сейчас беззащитен. Ты можешь сколько угодно на словах возражать этому, но в глубине души понимаешь, что я прав.

Леонтий с ненавистью смотрел на вандала. Внутри него боролись самые разнообразные чувства, – от желания задушить его до полного понимания правоты, высказанной им, и вследствие этого им овладевало бессилие, что приводило его в ещё большую злость.

Хильдебальд продолжал. – У меня там, на корабле, есть преданные мне люди, и если ты сможешь мне сейчас наказать изменника Трира, то я клянусь, мы уйдём отсюда и никого не тронем, и ничего не возьмём из твоего дома.

– Ну, во-первых, мне нет никакого дела до ваших разборок. А во-вторых, это я, Леонтий, предлагаю тебе, что если ты сейчас мне сможешь со своими людьми арестовать всех этих негодяев, то я обещаю тебе, что отпущу всех твоих людей, которые нам помогут. А всех остальных мерзавцев я казню здесь собственными руками. А тебе лично даю обещание, что отвезу тебя в Рим на справедливый суд.

Промиус, при последних словах Леонтия, вскочил и закричал. – Но отец, ты же не согласишься на такие условия?

Хильдебальд, рукой усаживая мальчика на пол, повернулся к Леонтию. – Хорошо, римлянин, я принимаю твои условия. Даю своё слово и развяжи уже тогда и моих людей.

Тут вступила в разговор Лидия. – Леонтий, может, ты уже объяснишь всем присутствующим, о чём ты говоришь с этими дикарями и отчего ты жмёшь его руку?

Хильдебальд недовольно хмыкнул и спросил Леонтия. – Я так понимаю – это твоя жена? А почему ты позволяешь ей

встревать в свои дела? Наши женщины не настолько говорливы в присутствии мужчин. Хильдебальд был явно недоволен с определением его как дикаря.

Леонтий огрызнулся. – Не заставляй меня нарушить моё обещание. Я сам разберусь, с кем и как мне разговаривать. Он повернулся, и показал руками, чтобы все прошли в самый дальний угол конюшни и там продолжил. – Обращаюсь сейчас ко всем. Ситуация на данный момент такова. Вандалы не сегодня-завтра войдут в Рим. Воевать против Гейзериха там некому и нечем. Думаю, что дни Максима сочтены и спасти Рим сейчас никто не в состоянии. Женщины заохали и застонали.

Отец Дарион подал голос. – А я думаю, что папа Лев остановит вандалов так, как он остановил в своё время Аттилу.

Леонтий замотал головой. – Думаю, сейчас совсем другая история, святой отец, но молиться об этом вам никто не мешает. Так вот, мы сейчас попробуем выбраться отсюда с помощью командира этого отряда вандалов, которые захватили наш дом. Правда, он сейчас такой же пленный, как и мы, потому что его предал помощник, захватив власть. Но с четырьмя здоровыми воинами мы уже можем что-то попробовать. А там, уже на свободе, командиру вандалов будет гораздо легче переподчинить их всех обратно. Значит, план будет примерно такой, поскольку выход здесь только один, он же и вход, и поэтому предлагаю следующее.

Тэсия, стоящая рядом с отцом, дёрнула отца за рукав.

Леонтий отмахнулся. – Подожди, дочка. Мы с ним, – римлянин, продолжая, кивнул на Хильдебальда, – сейчас затеем потасовку и начнём драться, а вы все поднимайте как можно больший шум, и как только охранники войдут сюда, мы пробуем отнять у них оружие.

Тэсия снова стала теребить отца за рукав. Хильдебальд, стоявший чуть в стороне, опять издевательски нарочито громко отреагировал. – Ну, я же говорил, что римские женщины меры не знают и влезают когда хотят и туда, куда их не просят.

Леонтий, вскипающий от бешенства, перекидывал взгляд с Хильдебальда на дочку. – Ну что тебе ещё? Отец еле-еле сдерживал себя, чтобы не сорваться на дочке.

– Пап, а почему ты говоришь про один выход? Здесь есть ещё один.

Леонтий хотел было направиться к Хильдебальду и заткнуть рот этому ехидному вандалу, но вдруг застыл как вкопанный. – Какой второй выход? Где он? Он начал быстро оборачиваться по сторонам, ища глазами этот невидимый его глазу второй выход. – А ну, говори быстрее, – он стремительно развернулся к дочке.

– Просто я здесь бывала часто, – и она осеклась, поняв, что сама себя только что выдала, и взглянула виновато на маму. Но никто и не думал сейчас её в чём-либо обвинять.

– Ну-ну, продолжай, – Леонтий сгорал от нетерпения.

– Вот здесь, – Тэсия подошла к краю навеса, который был

над головами у присутствующих, – есть маленькая верёвочка.

Действительно в углу неприметно болталась маленькая верёвка, которую в темноте вряд ли можно было сразу разглядеть.

Тэсия потянула её на себя и сверху начала показываться лестница, которая, свесившись с края, под влиянием собственного веса сползла вниз. – Вот, – сказала девочка, – надо забраться наверх, а там, в дальнем углу, с той стороны, есть несколько черепиц на крыше, которые легко снимаются, и через которые можно вылезти на крышу. А дальше по верёвкам, которыми у нас связаны эти, – она кивнула в сторону вандалов, – можно спуститься с той стороны сарая незаметно.

Леонтий, схватил дочку на руки и прижал к себе. – Ах ты моя Диана-охотница, ах молодец. Ну, показывай скорей, где там у тебя потайной ход.

Тэсия мигом взлетела наверх по лестнице, и за ней тут же полезли Леонтий и повар Лисипп. Подойдя к углу сарая, она схватилась за балку и, раскачавшись, закинула ногу и залезла на толстый брус, служивший основой каркаса крыши. Встав на брус, она аккуратно начала сдвигать элементы черепицы на крыше и стала передавать их отцу, который складывал их уже внизу.

В какой-то момент боковым зрением Тэсия увидела, что одна звезда только что упала, и она пожалела, что не успела

посмотреть, какого же она цвета. В этот момент упала ещё одна, потом ещё и ещё, и вдруг всё небо заполнилось падающими звёздами. Причём некоторые как будто падали совсем близко, и их были сотни и сотни, и впечатление было такое, что небо решило сбросить со своего покрывала все находящиеся на нём блёстки.

Тэсия вскрикнула, – Ой, папа, смотри, что там творится, – и обернулась назад. Там уже стояли с раскрытыми ртами от изумления Леонтий, грек и Хильдебальд, также забравшийся вместе с ними наверх.

Глава 10. Вторжение.

Днём ранее.

Звёздный десант талан входил в пределы Солнечной системы. Несколько часов назад автоматическая система корабля вывела экипаж из состояния гиперсна. Ид проснулся с ощущением, что его голова здорово «потяжелела» за время анабиоза, и это ему не зря так казалось. Отец перед погружением в гиперсон загрузил в программу камеры код обучения земным языкам, и у мальчика сейчас было полное ощущение, что голова после сна забита какими-то новыми, совершенно неведомыми, смыслами и знаниями. Саав сделал это и сыну и жене, несмотря на справедливое возражение Тааны, что кроме них так никто не делает.

Ид пришёл в себя в капсульном отсеке. Рядом с ним он обнаружил множество таких же одинаковых камер. Мальчик вылез из камеры, ища глазами родных, и через несколько ка-

мер увидел проснувшуюся маму. – А мы что, уже прилетели?

Таана держалась за голову и тёрла виски. – Ну не кричи ты так, видишь, все только просыпаются. И зачем я только послушалась твоего отца? Голова совсем раскалывается. И для чего нам нужно знать всю эту дребедень?

– Мам, а ты не знаешь, где папа? Ид оглядывался по сторонам.

– Твой отец запрограммировал себя встать вместе с экипажем, чуть раньше, чем мы. Ну, им-то понятно для чего. Нужно ведь подготовить корабль к торможению. Но, а ему-то это зачем? Вечно ему больше всех надо.

Ид заскулил жалобно. – Мам, ну я его поищу тогда?

Таана отмахнулась от него. – Иди, только ничего не трогай без спросу.

Мальчик аж засиял. – Хорошо, мам.

После недолгих поисков Ид нашёл отца в рулевой рубке, где также был капитан корабля и двое офицеров.

Саав повернулся к сыну. – О, привет, проснулся уже? Как мама? Голова не болит? Заметив недовольное лицо капитана, он понял, что появление сына было неуместным, и учёный обратился к нему. – Извините, капитан, просто это его первый межзвёздный полёт.

Капитан слегка смягчился. – Ну хорошо. Главное, чтоб он никуда не лез.

Саав утвердительно закивал головой. – Нет-нет, не беспокойтесь, я за ним пригляжу. Да, кстати, как ваша голова? Не

сильно болит?

– С чего это вы так решили? В голосе капитана звучало удивление.

Саав замялся. – Ну как же, программа земных языков такая большая. На этой планете, оказывается, столько языков и наречий. Вот мы с семьёй выбрали порядка десяти. Нагрузка на нейроны, сами понимаете, достаточно ощутимая, поэтому переносимость у всех может быть разная. Вот я и спрашиваю, как у вас это прошло.

– Мне это совершенно ни к чему, – отрезал капитан.

– Как это не нужно? А как вы собираетесь с ними общаться? Саав был в недоумении, но, заметив недовольное лицо капитана, осёкся. – Ну, вам, наверное, виднее, – согласился он, не решаясь на дальнейшие расспросы, и решил сменить тему. – А какие наши дальнейшие действия?

– Мы прибываем на околоземную орбиту и дожидаемся, пока весь корпус экспедиции не прибудет на заданное место, включая транспортный мегамодуль «Ковчег». А потом ждём обращение главнокомандующего Аркенаара. Вот тогда мы и узнаем все наши задачи. Я ответил на все ваши вопросы, Саав? Теперь вы позволите мне заняться своими делами?

– Да-да, конечно. Извините за назойливость, – Саав почувствовал неловкость за свою бестактность.

Корабль стремительно приближался к Земле. Из серой и неприглядной точки она увеличивалась, превращаясь во всё больший шар, пока наконец не стала голубой. Ид заворо-

жённо смотрел на это волшебное преобразование. Внезапно космическое судно сбавило ход и остановилось, как и все остальные корабли, шедшие вместе с ним параллельным курсом. Саав повернулся в сторону капитана.

– Прибыли и теперь ждём всех оставшихся, – ответил капитан на немой вопрос Саава.

– Папа, а она что, вся такая голубая? – с восхищением спросил Ид.

Саав ответил, умилительно улыбаясь. – Видимо, да.

Мальчик буквально не мог оторвать глаз. – А она голубая, потому что там вода?

Отец кивнул. – Да, это всё вода. Много воды, бескрайние горизонты.

Саав застыл в восхищении. Он, конечно, всё это знал и раньше, из донесений военных, но когда увидел это в реальности, то был буквально поражён фантастическим зрелищем. Дааа, бедняга Таураан на этом фоне был одним серым пятном.

Капитан прервал их немое созерцание. – Ну всё. Пришло сообщение, что весь космофлот уже на месте, а вместе с ним и Ковчег. Сейчас ждём обращение главнокомандующего.

Перед ними возникла голографическая картинка, на которой был Верховный Главнокомандующий, и во всех отсеках корабля зазвучал голос Аркенаара. – Воины Таураана, нам выпала священная миссия быть теми, кто поможет вернуть талантам достойную жизнь. Перед нами планета с насе-

ляющими её якобы разумными существами, жить с которыми рядом мы, скорее всего, не сможем. Так что выбора у нас, по сути, нет. Мы должны спасти себя и свою цивилизацию.

Саав начинал напрягаться. Он чувствовал, что сейчас будет происходить совсем не то, о чём говорила Амун.

Аркенаар продолжал вещать. – Командирам бригад сейчас будут розданы точки их высадки. Ваша задача – высадка, размещение и развёртывания вышек звеньев будущего защитного купола. А также зачистка вверенных вам территорий от людей. Те из них, кто будут оказывать сопротивление, подлежат немедленной ликвидации. Подлежат ликвидации также больные и неспособные самостоятельно передвигаться. Остальные должны транспортироваться на Ковчег, и уже там мы будем решать их судьбу. Всем удачи, а тем, кто высадится на светлой стороне планеты, обязательно обезопасить себя дополнительными средствами защиты. Здесь светило не такое, как на Таураане, но мы пока не знаем, как поведёт себя на его свету наша кожа. Так что максимум внимания и концентрации, и ещё раз всем удачи.

Саав бросился к капитану.

– Этого не может быть. Здесь какая-то ошибка. Это самоуправство Аркенаара. Он не имеет права так поступать. Я хочу поговорить с главнокомандующим. Это противоречит смыслу всей моей миссии. Уверен, это происходит без разрешения Амун, без разрешения Совета. Я требую срочно соединить меня с Аркенааром.

Капитан пристально посмотрел на Саава, потом нажал на приборной панели кнопку вызова. – Верховный Главкомандующий, говорит капитан транспортника Т-3568. Разрешите к вам обратиться.

В динамике прозвучало, – Разрешаю.

– В общем, всё так, как вы и говорили. Саав просит соединить с вами.

Было слышно по связи, как тяжело вздохнул Аркенаар. – Ладно, я вас понял. Включите отдельный канал.

Аркенаар появился на голографическом стенде. – Я слушаю вас, Саав.

Учёный был само негодование. – Аркенаар, а вам не кажется, что вы превышаете свои полномочия? Кто вам позволил распоряжаться судьбой жителей этой планеты? Кто вам позволил изменять планы миссии? Я сейчас же буду связываться с Амун.

Аркенаар усмехнулся. – По-моему, это вы забываетесь, господин учёный. Ваша задача была обеспечить талан вакциной, которая позволит нам не бояться подхватить смертельную заразу от этих существ, которых вы так трогательно стараетесь защитить. Вот и занимайтесь этим. А что касается Амун, то, пожалуйста, связывайтесь. Вас никто в этом не ограничивает. Но прежде чем вы будете на меня жаловаться, знайте, она поддержала это решение. Мне скрывать тут нечего. Я солдат, и я должен выполнить приказ.

Саав ненавидящими глазами смотрел на Аркенаара, но

внутри себя он интуитивно чувствовал, что тот говорит правду. Вряд ли бы он единолично позволил себе такое, но как Правительница позволила и одобрила всё это? И почему они даже не поставили его в известность. А, ну да, он же простой биохимик, зачем им посвящать его в свои планы? Его дело сидеть в своих лабораториях и не лезть, куда не надо, но всё же Бедные земляне, чем они виноваты?

Саав, подавленный всем услышанным, негромко пробормотал. – А что будет с теми землянами, которых вы будете собирать на Ковчеге?

– Мы будем отправлять их на Таураан, – Аркенаар улыбнулся.

Учёный помотал головой. – Но это жестоко, Аркенаар. Они же не смогут там выжить.

Главнокомандующий усмехнулся. – А кто спрашивал наших предков, когда они попали на Таураан? Мы выжили, значит, и они выживут.

Саав сложил ладони перед собой. – Но позвольте мне хотя бы попробовать наладить с ними контакт. Может, у меня получится их уговорить сдать добровольно и не оказывать нам сопротивление.

Аркенаар задумался на мгновение. – Хорошо, можете попробовать. Но если хотя бы одному моему солдату будет угрожать опасность, я отдам огонь на полное поражение всех, кто окажет нам сопротивление.

Аркенаар повернулся к капитану корабля. – Капитан, а

почему вы ещё не начали подготовку к входу в земную атмосферу и десантированию на поверхность? Господина учёного и его семью выпустить первыми на поверхность, без защитных костюмов. Он грозился, что нам с его вакциной ничего там не угрожает. Пусть на собственном примере и покажет.

Капитан вытянулся. – Есть выполнять. Он повернулся к учёному. – Саав, я прошу вас и вашу семью готовиться к высадке.

Саав быстрым шагом шёл по коридору. Ид едва поспевал за отцом. Он видел, как тот был взволнован, но не понимал, отчего отец так переживает за судьбу этих землян. – Папа, а разве это так важно, что будет с этими людьми? Говорят, что они существа, находящиеся на низкой ступени развития. Разве им будет плохо на Таураане? Мы же там жили.

– Кто это говорит? – Саав остановился и резко оборвал сына. – Аркенаар? Чтобы тебе было понятно, это разумные существа. Они выглядят почти так же, как и мы. Только у них не зелёный цвет кожи, они гораздо ниже нас, и не приспособлены жить под водой. Но они так же, как и мы, думают, любят, мечтают, хотят нормальной жизни, и у них также есть семьи. Неужели по тем их словам, которые ты выучил во время полёта, не понятно, что они почти такие же, как мы? Мне лично это стало ясно.

Саав отчаянно жестикулировал. – Я понимаю, что движет Аркенааром, но я считаю, что мы сможем и должны по-

пробовать научиться жить вместе. Мы что-то точно придумаем. Нам надо обязательно быть внизу. Попробуем остановить этот безумный приказ. Мы сможем с ними договориться, я почти уверен в этом.

Спустя час их корабль приземлялся рядом с виллой Леонтия. Ещё при входе в атмосферу Ид почувствовал некоторый дискомфорт в теле, как будто оно несколько потяжелело.

Саав это заметил и улыбнулся. – Это всё из-за разницы сил тяготения на Земле и Таураане. Первое время всем будет некомфортно, но потом наши мышцы привыкнут и начнут воспринимать это как норму.

Вся команда корабля была собрана в выпускающем отсеке. Капитан с улыбкой подошел к Сааву, и похлопал его по плечу. – Вы первый. Надеюсь, вы это не забыли? Саав утвердительно махнул головой.

Капитан обратился ко всем. – Ещё раз проверьте ваши защитные костюмы. И мы не снимаем их, пока Саав не даст нам отмашку о том, что это безопасно. Все помнят о том, что там, где мы высаживаемся, сейчас тёмное время суток, и поэтому нам повезло больше, чем тем, кто высаживается на другой стороне планеты при палящем светиле. Хотя нас уверяют, что оно совсем не такое опасное, как на Таураане, но, пока мы не получим сообщений о том, что это безопасно, лучше не рисковать и всем иметь с собой головные наклейки к тому моменту, когда взойдёт солнце.

Капитан снова повернулся к Сааву. – Прошу вас помнить,

что команду о том, можно ли снимать защитный костюм, ждём не только мы. Этого ждёт весь наш флот.

Таана схватилась за руку мужа и прижала к себе Ида другой рукой. Саав ободряюще посмотрел на неё. – Не бойся, всё будет нормально. Я уверен, это безопасно.

Корабль слегка толкнуло при приземлении, и спустя секунды уже открывались створки выпускающего шлюза. Саав шагнул по платформе, ведущей вниз. За ним спускались Таана и Ид. Мальчик осторожно ступил на землю. Она была похожа на поверхность Таураана, но она была мягче и здесь росла трава. Она была везде. Она была податлива, прогибалась и пружинила под ногами. Он наклонился и потрогал её рукой. Саав тронул сына за плечо. – Смотри наверх.

Сверху над ними светила полная луна, и на её фоне весь небосвод был освещён огнями спускающихся кораблей, испускающих голубоватый свет. Это было завораживающее зрелище, от которого захватывало дух, и Ид начал махать им руками.

Капитан положил руку на плечо Сааву. – Ну, мы же все ждём. Саав кивнул и снял шлем.

Капитан нахмурился. – Все трое. Такой приказ. И не только шлемы, но и весь костюм.

Ид тоже стащил с себя шлем. В нос ударил такой насыщенный кислородом воздух, какого не было на Таураане, а также множество других, разных незнакомых запахов, с такой разнообразной гаммой, что у мальчика начала кружить-

ся голова, и он сел на землю. Рядом сели Саав и Таана.

– Ничего, ничего, сейчас привыкнем, это нормально. Пусть лёгкие привыкнут к этой воздушной смеси. Конечно же, здесь очень много кислорода, и это действует как веселящий наркотик. Саав нервно засмеялся.

На них с интересом смотрели десятки напряжённых глаз талан, наблюдая за их поведением. Саав поднял кулак над головой, показав ободряющий жест. – Всё хорошо. Ещё немного и мы сможем чувствовать себя нормально.

Ид потрогал траву руками, уже без защитного костюма. Она действительно была очень мягкой и приятной на ощупь.

Таана, почувствовавшая себя легче, принялась к воздуху. – А вы не чувствуете нечто солёное и влажное?

Саав улыбнулся. – Конечно же. Мы находимся совсем недалеко от побережья, и поэтому атмосфера так насыщена солью и влагой.

В этот момент у капитана затрещало в рации и он, изменившись в лице, поставил ее на громкую связь, и оттуда раздался голос Аркенаара. – Внимание, всем командам высадки. Из многочисленных мест стыковок поступают сигналы, что на наши отряды нападают местные жители. Мы несём первые потери из-за того, что в защитных костюмах и при непривычной силе тяжести наши воины пока очень неповоротливы, и мы уступаем в скорости передвижения землянам.

...

В рации раздался треск, шум, и связь прервалась. Лишь

спустя минуту Аркенаар снова вышел в эфир. – Ну что вы там молчите, борт Т-3568? Мне уже доложили, что мы потеряли два корабля, неподалёку от вас, и они захвачены землянами. Там очень большое скопление военных сил на воде. Необходимо срочно усилить наше присутствие там. Приказываю вам и другим близлежащим отрядам срочно стягиваться туда. Сейчас вам скинут координаты новой точки вашего нахождения. И что там, в конце концов, у Саава? Можно ли уже сбросить защитку?

Капитан радостно отрапортовал. – Да, учёный и его семья уже без костюмов, и они чувствуют себя вполне комфортно. Просто нужно немного времени для адаптации.

Аркенаар был крайне резок. – Адаптацию будут проходить во время боя. Приказываю действовать по начальному плану. Всех сопротивляющихся уничтожить, для больших скоплений применить ультразвуковые пушки. Отбой, конец связи.

Капитан обратился к Сааву. – Простите, доктор, но по доброму уже не получится. Там уже убивают наших братьев.

– Подождите, может, всё-таки у нас получится с ними договориться? – пролепетал Саав.

– Поздно. У меня уже другой приказ, – холодно ответил капитан.

И тут с неба на них посыпался град стрел, и из-за холма с криками на них выскочили земляне. Это был один из форпостов Трира. Несколько талан рухнули на землю. Оставшие-

ся начали быстро стягивать с себя громоздкие защитные костюмы, которые слабо защищали от стрел, и открыли огонь из плазмоматов. После каждого попадания вандал вспыхивал в точке поражения, и эта часть тела просто сторала каким-то невидимым огнём изнутри, превращая в прах поражённую ею часть. Толпа землян сильно поредела. Вандалы, приблизившись и поняв, кто же в действительности стоит перед ними и с каким поражающим оружием им пришлось столкнуться, с не меньшей резвостью развернулись назад и бросились врассыпную.

Тем временем в конюшне.

Леонтий, смотря на усеянное огнями небо, крайне поражённый, повернулся к Хильдебальду. – Так это и есть ваша атака на Рим? Что это за дьявольские хитрости вы придумали? Как вы сделали огонь в небе?

Вандал отступил и покрутил пальцем у виска. – Ты в своём уме? Да я в первый раз такое вижу.

На крик и шум начал собираться народ, находившийся внизу. Отец Дарион вначале стоял и смотрел на небо, покрытое огнями, как заморожённый, а потом медленно упал на колени. – Я так и знал. Это нам за наши прегрешения. Господь насылает на нас геенну огненную. Я говорил вам всем, что нельзя совершать такое богохульство в один день со священным таинством обряда. Ну как можно было славить языческих богов пред лицом Господа нашего Всемогущего? Это кара нам. Нам всем сейчас воздастся. Мы заслужили это.

Стоявший рядом Лисипп пробормотал. – А может, это Диана-охотница спешит нам на помощь? – и довольно рассмеялся. – Приняла, значит нашу жертву богиня, приняла. Хвала небесам. Спасибо Олимпу, хвала Зевсу, они не оставят нас в беде.

Дарион завопил. – Да прекратите же вы заниматься ересью и богохульством! Это кара! Мы все, мы все испьем эту чашу до дна! Нам всем надо молиться об отпущении наших грехов, чтобы Бог впустил нас, грешников, в свои райские кущи!

Лисипп горделиво ухмыльнулся и посмотрел на Дариона. – Ну, для кого-то это, может, и последний день, а для нас помощь пришла как раз вовремя.

Неро приблизился к Тэсии и спросил. – А может, это и есть наши ангелы-хранители и они идут к нам на помощь?

Тэсия, сидевшая на балке и смотревшая в небо, опустила голову вниз, – Ага, и ты тоже про это подумал? Я знала, что они есть, знала. Только никто мне не верил. И ты тоже мне не верил. Только делал вид и притворялся. Боялся, чтобы я не злилась, а ведь я же была права.

Группа танцовщиц и рабынь сгрудилась вокруг отца Дариона и Лисиппа, с надеждой и ужасом внимая их диалогу. То со страхом и скуля, слушая доводы священнослужителя, то с надеждой внимая словам грека, не понимая, во что им верить и чего ждать.

За воротами раздались шум и топот от беспорядочной бе-

готни, потом раздались крики и стоны умирающих людей.

Отец Дарион снова завопил. – Вот она, кара небесная, не пощадит никого карающая десница Господа нашего!

Лисипп с улыбкой посмотрел на священнослужителя. – Диана-охотница свое дело хорошо знает.

Священнослужитель взмолился. – Леонтий, ну остановите же вы, наконец, этот поток глупости из грязных уст этого безумца!

Леонтий, не обращая никакого внимания на мольбы отца Дариона, уже спустился вниз и стоял у входных ворот, тщетно пытаюсь сквозь дыры разглядеть в темноте, что же там творится снаружи, и только редкие вспышки позволяли ему что-либо разглядеть.

Он отпрянул от двери. – Боюсь, святой отец, что создатель прибыл не один, а с помощниками. И вроде бы они очень похожи на нас, насколько я смог разглядеть в темноте, но всё же они какие-то странные. Да и ростом явно повыше нас. И они из рук своих мечут какие-то молнии.

Дарион на секунду остановился в задумчивой позе, потом снова продолжил свои причитания. – Ну конечно же, он же создал людей по образу своему и подобию, и архангелы прибыли вместе с ним, чтобы осуществить наказание.

Хильдебальд spryгнул с верхнего навеса и подошёл к Леонтию. – Что-то мне подсказывает, что от этой небесной кары нам надо защититься, ибо тут что-то не так. Только что я видел, как один из моих вандалов сразил копьём одного из

этих архангелов. Но ведь боги же бессмертны. А я готов отвечать своей головой, что видел, как этот архангел упал бездыханным. Так что это не божи создания, а кто-то другой, вполне себе очень даже смертный. Но молнии у них в руках очень опасные. Они буквально испепеляют наших людей.

Леонтий в задумчивости уставился на вандала. – Ну и что нам делать? Может, нам стоит выбраться через крышу и неожиданно ударить им в спину?

Хильдебальд замотал головой. – Ты что, не видел, римлянин, какое у них оружие? И если мы себя обнаружим, то как ты сможешь защитить не только себя, но и всех остальных?

Леонтий повернул голову и посмотрел на жену, дочь и толпу смертельно испуганных женщин, и сильно приуныл. – Мда, с ними мы далеко не убежим.

– Римлянин, а давай лучше я со своими людьми незаметно отсюда выберусь и направлюсь к кораблю. Там я возьму своих людей и мы вытащим вас отсюда, – предложил Хильдебальд.

Леонтий прищурился. – А какой тебе смысл, вандал, рисковать, возвращаясь сюда, и спасать чуждых тебе римлян?

Хильдебальд протянул руку. – Даю тебе слово воина, римлянин. Если ты отдашь мне в подчинение своих мужчин, мы сможем прорваться к своим. А ты пока, чтобы не привлекать шума, останешься здесь со всеми женщинами.

Леонтий усмехнулся. – Какое может быть слово у воров и грабителей, которые без приглашения пробрались на мою

землю? А впрочем, разве я тебя могу удержать, иди куда знаешь. Но своих людей я тебе не дам.

Хильдебальд недовольно развернулся и в этот момент за воротами как-то всё сразу неожиданно стихло. Леонтий знаками приказал всем соблюдать тишину. Последними в сарае притихли женщины, голосившие вместе с отцом Дарионом.

Вдруг заскрипела доска, запирающая ворота, и сноп внешнего света пробил доски ворот, которые начали открываться. Женщины, и так находившиеся в состоянии стресса, не выдержали и заверещали во весь голос. Мужчины все сгрудились в кучу и приготовились встретить врага, но яркий встречный свет в десятки маленьких солнц ослепил им глаза и что-то подробно разглядеть было просто невозможно. Были видны какие-то движущиеся очертания за светом, очень похожие на человеческие.

Отец Дарион упал на колени. – Вот он, свет господень! Мы готовы встретить тебя, Всевышний!

Леонтий, щурясь от бившего в глаза света и напрасно пытаясь разглядеть, крикнул. – Кто бы вы ни были, покажитесь! Имейте храбрость явить свои лица и сразиться как настоящие мужчины в равном бою!

Вдруг со стороны слепившего света присутствующие услышали какие-то непонятные звуки, которые произносило одно из неясных очертаний. Это было очень похоже на речь, но это был язык, который никто из присутствующих не понимал. Потом они услышали и другие звуки, которые начали

издавать и другие тени. Казалось, они все были недовольны и их звуки становились все громче.

Это были таланы, которые, сломив сопротивление вандалов у дома Леонтия, обнаружили, что какие-то звуки раздаются в одном, отдельно стоящем, строении. Открыв его, они обнаружили находящихся здесь людей и доложили об этом капитану отряда, который был в это время в доме Леонтия. Капитан пришёл сюда в сопровождении Саава, Тааны и Ида.

Саав с надеждой смотрел на капитана. – Ну вы посмотрите на них, это же не воины. Смотрите, они же были здесь, когда все, кто сопротивлялся, были снаружи. И в руках этих бедных нет оружия, и на них нет крови. Может, мы их сразу всех отправим на Ковчег? Смотрите, тут даже есть маленькие дети.

Капитан, тяжело дыша, еле сдерживался. – Вы понимаете, что я сегодня потерял трёх своих парней, а сколько раненых, боюсь даже пересчитывать. И я же не знаю, где эти существа были всё это время. Вдруг они с этими заодно?

Саав всплеснул руками. – Но вы же сами видите, что они были заперты снаружи. Как они могли это сделать? Позвольте, я с ними поговорю?

Капитан нервно бросил. – Ну так выясняйте же это скорей!

Саав не знал, на каком языке к ним обратиться, поэтому начал говорить одну и ту же фразу – «Кто вы такие?» – на всех выученных им земных языках.

В какой-то момент он услышал, – «Вы знаете латынь? Ну, хвала тебе, Господи», и из толпы вышел мужчина, выделявшийся среди всех своим ростом.

– Да-да, я понимаю ваш язык, – отозвался радостно Саав.

– А вы не могли бы погасить ваши факелы, а то ничего не видно? – сказал мужчина, прикрывая глаза от бьющего в них света прожекторов.

Саав повернулся и сказал капитану. – Они просят не светить им так сильно в глаза.

– Хорошо, приглушите свет, – приказал капитан.

В этот момент Дарион бросился к Сааву. – Спасибо вам, храбрые римские воины. Вас нам послало само провидение. Но когда святой отец приблизился к талану, он увидел перед собой существ, хоть и похожих на людей, но довольно высокого роста и с вытянутыми узкими телами зелёного цвета кожи, и тут же отшатнулся в ужасе. – Дьявол, дьявол, – зашептал священник и упал, в ужасе отползая вглубь конюшни.

Мягкий свет и привыкающие к новому комфортному освещению глаза землян теперь позволили всем разглядеть, кто же был перед ними на самом деле, и все невольно начали отступать вглубь. В центре осталась группа мужчин. С трудом собирая последнюю волю в кулак, Леонтий спросил изменяющимся голосом. – Кто вы такие? Зачем вы прибыли на мою землю?

Саав, с трудом подбирая нужные слова и понимая, что для присутствующих сейчас непонятно всё, что происходит, за-

говорил. – Понимаете, мне это очень трудно объяснить. Да и вы не поймёте. Могу сказать только одно, мы не хотим причинить вам вреда. Поверьте, в ваших интересах сейчас просто подчиниться и проследовать за нами.

В этот момент, с улицы подошла ещё группа талан, ведя и толкая перед собой пленённых вандалов. – А вот этих мы нашли в доме. Они прятались в самом дальнем углу. Что с ними делать?

Саав умоляюще взглянул на капитана, тот мотнул головой. – Ладно, кидайте их ко всем этим.

Вандалов втолкнули ко всем остальным пленникам в круг. Это были Трир, Ульрик и двое матросов из их команды.

Хильдебальд, увидев предателя, заорал. – Ах, ты всё-таки выжил! – и хотел броситься на него, но один из талан выстрелил из плазмомата рядом с ногой вандала, и на земле образовалась обширная дымящаяся воронка. Хильдебальд благодарно остановился.

Трир ехидно улыбнулся. – Они доверчивые, всему поверят. Главное, изображать кротких овечек. С нашим оружием против них сражаться бесполезно. Вот поэтому мы и стали мирными жителями, – и он подмигнул, кипевшему от злости Хильдебальду.

Саав понял, о чём была речь, сказанная уже на другом языке, но не стал переводить это капитану, чтоб тот не поменял своё решение.

Саав продолжил на языке, понятном вандалу. – Мы до-

верчивые тогда, когда нам это выгодно.

Трир удивлённо, с испугом посмотрел на Саава и благоразумно решил не светиться, смешавшись с остальной толпой внутри конюшни.

Саав продолжил. – Поверьте, мы не сделаем вам ничего плохого, но лучше вам не злить наших воинов. Они настроены очень решительно, и если позволите, мы отведём вас туда, где вам всё объяснят. В противном случае вас всех перебьют. У вас просто нет другого выхода. И прошу вас, принимайте решение быстрее. У них может закончиться терпение, и вы разделите участь всех тех несчастных, которые приняли смерть вокруг всего дома.

– Но кто вы такие, чёрт вас всех побери?! – закричал Леонтий.

На нём повисла Лидия. – Я прошу тебя, давай соглашайся, я не хочу сейчас умирать! Подумай обо мне и о дочке!

Леонтий обречённо повернулся к Хильдебальду. – Прости, но я действительно не могу сейчас рисковать ими. Так что я тебе не подмога. Ты уж сам со своими людьми решай, что делать. А мне придётся пойти на их условия.

Вандал ответил ему на вандальском языке. – Ну, мы тоже неглупые и понимаем, что сопротивление сейчас бессмысленно, но я надеюсь, что когда будет удобный момент, ты всё же вспомнишь, что ты в первую очередь – воин. Надеюсь, ты понимаешь, о чём это я?

– Можешь в этом не сомневаться, – поняв его намёк, от-

ветил римлянин.

Саав не расслышав тихую речь, удивлённо переспросил. – Так что же мне тогда передать капитану?

– Передайте, что мы все согласны, – хмуро ответил Хильдебальд.

Саав облегчённо выдохнул. – Тогда в целях вашей безопасности и для нашего спокойствия мы временно ограничим движения ваших конечностей. С этими знаками вас никто не тронет. Вытяните, пожалуйста, руки вперёд.

Вандал неохотно подчинился. Один из близ стоящих талан тут же захлопнул на его руках электронные наручники. Вандал дёрнулся, но наручники были очень прочными, похожими на кожу какого-то животного, но при этом сделанными из какого-то неведомого святащегося пульсирующего материала.

– Это ваша и наша гарантия, – ответил Саав, – или вы всё же предпочитаете смерть?

Хильдебальд, недовольный развитием событий, вышел наружу. Вслед за ним, подвергшись подобной унижительной процедуре, выходили и все остальные.

Глава 11. Байгаал-далай.

Ранее этим днём, в монгольских степях, недалеко от Байгал-далая.

Два дня назад на совете племени в связи с удручающим положением и несмотря на предупреждение других племён не приближаться к Большой воде, всё же было принято ре-

шение двигаться в его направлении. Сборы были недолгими, юрты сложили на повозки, и всё племя в очередной раз отправилось на поиски лучшей доли. Племя встало прямо перед большим перевалом, за несколько часов перехода к самому Байгалу.

Несколько ранее, вперед была отправлена группа разведчиков, и вот они уже вернулись и докладывали на совете племени, в наспех установленной юрте. Они говорили о том, что за перевалом находится большой болотистый залив и там в избытке зелёного корма. И туда нужно идти как можно скорее, потому что никаких следов пребывания других племён они там не заметили. Это ничейные места, и лучше всем поспешить до того, как это сделают другие.

Вождь Долгоон недовольно покачал головой. – Такие богатые места, и на них никого нет? Не нравится мне это. А вдруг вернутся с кочевья его настоящие хозяева, и что тогда? А мы сейчас не в том состоянии, чтоб вступать в открытую борьбу за территорию. Думаю, нам надо всё же позвать Цэрэн и выслушать её.

Совет недовольно загудел. – Да что эта старуха может сейчас подсказать? Она совсем уже из ума выжила, чего её слушать? Да и хватит нам, натерпелись уж сколько. Хочется уже пожить нормально, да и поголовье животных на болотистых лугах мы восстановим быстро.

Полог юрты откинулся, в просвете возникла фигура Цэрэн, и все разговоры в юрте тут же стихли. – Ну что, надума-

ли-таки лезть на самое открытое место? Неужели не понимаете, что это может быть ловушка? Кто такие богатые земли оставляет без присмотра? Я знаю, что многие здесь мне уже не доверяют, но я взываю к вашему разуму. Послушайте его и вы поймете, что хочу сказать я.

– Хватит уже, наслушались мы тебя. Лучше бы мы слушали своих овец. От них и то больше пользы, – сказал кто-то с издёвкой из сумрака в глубине юрты.

Цэрэн бросила туда взгляд, полный презрения.

– Достаточно слушать бредни этой сумасшедшей старухи, – подхватил другой. – Мы что, не достойны лучшей жизни? Давайте голосовать за переселение. Совет одобрительно загудел и все подняли руки.

Цэрэн резко развернулась, откинула полог, и вышла из юрты. Долгоон обречённо опустил голову. – Ну что, раз приняли такое решение, значит, приняли. Мы заходим в залив.

Цэрэн в расстроенных чувствах подошла к своей повозке. Эрдэнэ подбежала к ней и заметила у шаманки тревогу на лице. – Что-то произошло, бабушка?

Шаманка фыркнула. – Эти тупые люди совсем не ведают, что творят, и окончательно потеряли чувство разума и самосохранения. Богатые земли им всем головы вскружили. Не стоит нам идти с ними, Эрдэнэ, не стоит. Они всех нас приведут к гибели. Но мне жалко Долгоона, ему и так тяжело, и я не могу бросить его сейчас одного, с этими слепцами. Так что, пока мы идём вместе с ними, к Большой воде. А уже

там я пару деньков осмотрюсь с Октаем, и уж после примем решение, или мы останемся вместе со всеми, или мы уйдём жить отдельно. Не захотят меня слушаться, пусть пеняют тогда на себя, а моя совесть будет чиста.

– Бабушка, а мы выживем одни? На лице Эрдэнэ была тревога.

– Хах, а что, нам кто-то ещё помогает? Разве мы не всегда были одни? – Цэрэн раздражённо повернулась к ней.

Спустя несколько часов племя забралось на перевал. Сверху открывался удивительно красивый вид. Долина была укрыта со всех сторон грядями гор и перевалов, а перед самой водой простирались большие территории зелёной густой травы. Все предгорья были покрыты высокими густыми деревьями, и меж ними можно было разглядеть настороженно передвигающихся косуль, а впереди разливался и уходил куда-то за горизонт сам Байгал-далай.

От открывшегося перед ней вида у Эрдэнэ перехватило дыхание. – Бабушка, бабушка, смотри, как же тут красиво! Давай мы тут останемся вместе со всеми, – девочка жалобно заскулила.

Старуха недовольно молчала. Октай тяжело сорвался с места и махнул резко вниз, потом, спланировав, начал набирать высоту и вскоре скрылся где-то меж редких облаков. Через час всё становище было уже у кромки воды. Дети, визжащие от восторга, лезли ногами в холодную воду, отбегали назад, разбрызгивая воду на окружающих. Козы, овцы, ло-

шади разбредались по равнине, жадно поедая сочную зелёную растительность.

Люди улыбались, хлопали друг друга по плечам. Наконец-то им повезло, после стольких лет лишений. Это было даже гораздо красивей, чем им описывали разведчики. Это было похоже на какую-то нереальную сказку, в которой они все неожиданно очутились.

Цэрэн подошла к вождю. Долгоон повернулся к ней и увидел озабоченное лицо шаманки. – Можешь ничего не говорить. Мне тоже это не нравится. Уж больно здесь всё красиво, но при этом никаких следов присутствия человека. Очень всё это неправильно. Думаю, ты права. Надо как можно быстрее уходить с такого открытого места. Только как это всё сейчас объяснишь им? Они же нас даже слушать не будут. Ты же сама видишь, они все буквально с ума посходили. Долгоон от бессилия развёл руками.

Цэрэн нахмурилась. – Ты бы пока приказал, чтоб не разворачивали юрты на долгую стоянку. Пусть скотину накормят, напоют, и надо идти дальше, искать более безопасное место.

Долгоон обречённо махнул рукой. – А ты попробуй им прикажи? Но я их тоже понимаю, Цэрэн, они все устали. Они очень устали.

– Бабушка, бабушка, – раздался издалека голос Эрдэнэ. К ним неслась девочка, удерживая в руках большую рыбу. – Бабушка, смотри, кого поймал Октай.

– Жирная, хорошая рыба, – одобрительно закивал Долгоон, взглянув на улов. – Благодатное место. Наверное, мы всё же пока здесь останемся.

Он извиняющимся взглядом посмотрел на шаманку. – Хотя бы на пару дней. Осмотримся тут и примем решение. А твой Октай знатный охотник. Долгоон провёл рукой по жирному боку рыбы. – Научила бы ты нас тоже так приручать птицу.

– Слишком много хотите от выжившей из ума старухи, – Цэрэн презрительно фыркнула и, ухватив за руку девочку, пошла к своей повозке. – Идём, я хочу поговорить с Октаем. Нам с ним много чего нужно сделать. А то он тоже, как все эти, совсем сдурел. Я ему сказала сначала осмотреться здесь, а он рыбу тащит.

Тем временем из ближайшего перелеска за всеми перемещениями новоприбывших внимательно следило несколько пар глаз. Чутьё Цэрэн не обмануло.

Чужие пришли глубокой ночью, почти под утро. Долгоон и племя были захвачены врасплох. Эйфория от прибытия на новое место затмила все другие чувства, в том числе и простые основы осторожности в незнакомой местности. Повозки были разбросаны по большой территории, и оказать серьёзное сплочённое сопротивление оказалось просто не под силу.

Чужие ворвались на становище на конях. Их было много. Много больше, чем у Долгоона, взрослых мужчин в племени.

Тех людей, кто попытался сопротивляться, чужие уже успели безжалостно зарубить своими саблями, и Долгоон, поняв, что дальнейшее сопротивление бесполезно, призвал всех остановиться и сплотиться вокруг его повозки. Несколько наспех поставленных вчера вечером шатров загорелись и освещали всю окрестность.

Ночные агрессоры, увидев, что сопротивление подавлено, прекратили преследование и, не слезая с сёдел, окружили племя Долгоона в кольцо. Долгоон увидел рядом с собой, Цэрэн с внучкой и, встретившись с ней взглядом, виновато опустил голову. Из окруживших их всадников выделился один, приблизился к нему и спешился с лошади. Это был опытный воин в летах, крепкий и коренастый. Пара десятков лучников направили свои луки в сторону Долгоона.

– Кто вы такие, что вам надо? – спросил Долгоон.

– Да вот и мы хотели бы тоже узнать это у вас. Кто вы такие, и что забыли в этих местах? – сказал коренастый и хитро улыбнулся. – Хотя можешь не отвечать. Не ты первый, не ты последний. Манит всех сюда наш Колтук, манит. Все, как мухи на мёд, сюда слетаются. А меня зовут Тургэн, и это наши земли, и мы охраняем и бережём их от таких вот, как вы, непрошенных гостей.

– Что вам от нас надо? – твёрдо повторил Долгоон.

– Да, по сути, что и от других. Всё, что у вас есть, – ответил коренастый, и снова рассмеялся. – Только я посмотрю, что вы не очень-то и богаты. Ну что, тогда мы у вас заберём

всех молодых женщин, шкуры и скот, а если твои мужчины согласятся перейти ко мне, то я и их возьму. Мне нужны хорошие воины, хотя, как я посмотрю, их у тебя совсем немного. Да и ты, я тоже смотрю, тот ещё вождь, и людей у тебя мало, да и воинов достойных воспитать не смог. Что же они такого неудачника выбрали? Подожди, а может, ты просто у них самый лучший, и у них просто не было выбора? – коренастый разошёлся от смеха.

Долгоон не смог стерпеть смертельной обиды, сунул руку за пояс, достал нож и хотел бросить, но не успел. Две стрелы вонзились в него, одна в плечо, вторая в ногу, и вождь со стоном повалился. Из толпы к нему бросилась девочка. Это была Эрдэнэ. Она выхватила из рук Долгоона нож и бросила в чужого.

Крепыш увернулся. – Стой, – выкрикнул он воинам, готовившимся пустить свои стрелы, – это ж просто девчонка.

Подойдя к Эрдэнэ, он схватил её за подбородок и с силой приблизил к себе. – Ну вот, оказывается, у тебя всё же есть воины. Только они ещё очень маленькие, – сказал он, повернувшись к истекающему кровью Долгоону. – А вы чего застыли? – бросил коренастый всем наездникам. – Берите всё, что есть ценного, а оставшееся, повозки и юрты, всё сжечь.

Тут из толпы выделилась Цэрэн и встала между чужим и внучкой. – Не трогай дитя. Не то проклянущу тебя и весь твой род самым ужасным проклятием, до скончания веков.

Крепыш картинно отклонился в сторону, сделав вид, что

испугался. – Ого, так у вас и шаманка своя есть? Наверно, такая же удачливая и могущественная, как и их вождь, – сказал он, обращаясь к своим соратникам под их одобрительный смех. – Ну, и как ты меня проклянёшь, старуха? Может, заморозишь меня и подчинишь своей воле, и буду я ходить за тобой, как хвостик привязанный?

Тут он вдруг заметил, что что-то блеснуло на груди у девочки, и он удивлённо протянул к ней руку.

Девочка вскрикнула, – Бабушка, – и инстинктивно спряталась за её спину.

– Так, – грозно нахмурил брови коренастый и поднёс факел к лицу старухи. – Или девчонка сама покажет, что у неё на шее, или это сделаю я, без всякого её желания.

Цэрэн недовольно кивнула внучке, и девочка, вытащив из-под рубахи амулет и вытянув перед собой, выставила его прямо перед глазами чужого.

Коренастый взгляделся в него и сильно изменился в лице. Его раскосые глаза округлились, и он, приблизив факел прямо к лицу девочки, принялся внимательно разглядывать её. – Откуда у тебя этот кулон? Откуда? – и он принялся её трясти.

Цэрэн оттолкнула его от внучки. – Отстань от девчонки, это мой амулет. Я его ей дала.

Коренастый быстро развернулся в её сторону. – Говоришь, твой амулет, старуха? Тогда скажи, откуда он у тебя? Только не лги. Глаза у него лихорадочно блистели.

Цэрэн кинула в него презрительный взгляд. – Не твоего ума дело. Он достался мне от моей бабки.

Чужой начинал выходить из себя. – Ты лжёшь старуха. Не мог он быть у твоей бабки. Эта вещь не может принадлежать твоему роду. Ну, если не хочешь по-хорошему, будет, значит, по-другому. Сейчас я прикажу пытать её, и ты сама мне всё расскажешь.

– Не надо, – выцедила сквозь зубы Цэрэн, – я сама всё скажу. Девчонку я нашла давно, ещё совсем маленькой, в одном обгоревшем и разграбленном стойбище. На ней и был этот кулон. Теперь эта девочка мне как родная внучка.

Коренастый довольно улыбнулся. – Ну, я так и знал, что не могла она быть роднёй с такой ведьмой, как ты. Так он, говоришь, был на ней? Воин задумался. – Девчонку эту, вместе со всеми женщинами, забрать, а старуху отправьте вместе с вождём, к их праотцам.

Цэрэн выступила вперёд. – Будь ты проклят, убийца и трус. Не будет тебе ни удачи, ни счастья во веки веков. Будешь всю оставшуюся жизнь исполнять чужую волю и не сможешь распоряжаться больше своей судьбой, – и она громко свистнула. В воздухе раздался клёкот ястреба, и сверху на голову чужого спикировал Октай. Крепыш увернулся, но птица успела полоснуть острым когтем по его лицу.

Чужой закричал от боли. – Ну что же вы стоите, стреляйте в птицу. Убейте эту гадину. А старуху мы тоже берём с собой. Завтра мы её сожжем на костре. Быстрая смерть это

уже роскошь для неё.

Десятки стрел мелькнули в воздухе, и воины начали пристально вглядываться в небо, ища там наглую птицу. А в это время небосвод начал покрываться десятками падающих звёзд, наполняя окружающее пространство светом. Все замолкли.

Один из лучников обратился к коренастому. – Тургэн, это проклятие шаманки нас настигает. Надо убираться отсюда.

И по мере того, как «падающие звёзды» стали падать уже достаточно близко, паника охватывала племя напавших, и они с воплями ужаса начали разбегаться в разные стороны. Тургэн старался остановить их, но всё было тщетно. Страх окончательно овладел ими.

Эрдэнэ посмотрела на Цэрэн глазами, полными восхищения. – Бабушка, а как ты это сделала?

– Да я уже и сама не знаю, кто их призвал, – со смешанными чувствами ответила Цэрэн, смотря на небо, заполненное огнями, – но чувствую, что это будет похуже сегодняшних врагов.

Глава 12. Миртаан.

За последние сутки на Ковчег поступали все новые партии перемещаемых людей из разных точек Земли. Основная масса землян, ошеломлённая появлением непонятного явления, вела себя очень затравленно и обречённо, смирившись со своей участью. Было уже не важно, кто были эти зеленокожие и высокие существа, – слуги Господа или при-

спешники дьявола. Главное, что их жизни видимо, уже пред-
решены и надо просто покориться этим посланникам судь-
бы.

А что можно предположить иного, если эти существа по-
велевают молниями, садятся в какие-то невиданные повозки
и могут взмывать на них в небо, как птицы. Это однозначно
был последний день жизни всех людей на земле, и оттого
уныние и покорное смирение были господствующим настро-
ением всех прибывающих на Ковчег.

В это время в капитанской рубке управления Ковчегом
стоял Аркенаар с молодым таланом.

Молодой человек учтиво обратился к главнокомандующе-
му, – Дядя, я хотел бы поблагодарить вас за оказанную мне
честь быть сейчас здесь, с вами, в эти столь знаменательные
и судьбоносные для талан дни.

Лицо Аркенаара осветила улыбка, – Миртаан, дорогой
мой племянник, не обращай ко мне столь высокопарно.
После смерти моей сестры и твоего отца ты мне уже давно
как родной сын. Да, и в твои двадцать два года уже пора се-
рьёзней заняться своей военной карьерой. Вот почему я при-
звал тебя сюда, в свой штаб командования. Только не спеш
меня благодарить. Ты же знаешь, что с тебя будет гораздо
больший спрос, чем с любого другого.

Племянник учтиво кивнул. – Дядя, я готов к этому. Толь-
ко я одного не понимаю. Зачем нам нужно спасать такое ко-
личество этих землян? Зачем нам вообще с ними так возить-

ся?

– Не спрашивай меня об этом. Спроси лучше тех, кто так решил. Меня среди них не было, – насупился Аркенаар. – Так решила Амун, потому что ей их, видите ли, жалко. А всё оттого, что она слишком много слушает всяких нытиков и человеколюбцев, как биолог Саав и ему подобных. Будь моя воля, так за то, что они на нас напали, вообще бы истребил весь их людской род.

Миртаан страстно выпалил, – Дядя, ты только скажи, чем я могу тебе помочь?!

– Чем помочь, чем помочь? Аркенаар усмехнулся и задумался. – Если бы этот Саав заткнулся, то мы бы гораздо раньше закончили с этим переездом. Кто их считал, этих землян? Вот не мешался бы под ногами этот учёный, и тогда мы здесь быстро разобрались бы с тем, кто нам нужен, а кто нет. Да и нам действительно надо спешить, а то вдруг сюда пожалуют gefestiане? Что у них там на уме, только они знают.

– Капитан, – раздался голос в громкоговорителе, – Тауран запрашивает связь с нами. С вами хочет говорить Амун. Что ответить?

– Однако ж смотри, как они быстро связь наладили. Жаль, – пробормотал недовольно Аркенаар. – Конечно, соединяйте.

В воздухе возникло изображение Амун, лицо которой выражало озабоченность. – Приветствую вас, Аркенаар. Докладывайте, что там у вас происходит? Мы тут все ждём но-

востей от вас. Почему раньше не выходили на связь? Как с адаптацией, и почему я не вижу рядом с вами Саава? Чем он сейчас занят? Я очень хочу узнать, какие у него результаты? Как там ведёт себя его вакцина? Амун была крайне нетерпелива. – Ну, где же он?

Аркенаар вытянулся в струну. – Правительница, наши учёные оказались правы...

– Аркенаар, – Амун резко его перебила, – спасибо, конечно, за ваше мнение, но я бы хотела услышать сначала биохимика с его слов. Соединитесь со мной, когда на связи будет Саав. И пожалуйста, постарайтесь найти его как можно быстрее.

Изображение исчезло. Аркенаар, казалось, взорвётся от переполнявшей его злобы. – Мнение моё её, видите ли, не интересует! А то, что мы тут несём потери, и то, что мы успешно проводим намеченные мероприятия – так ни одного вопроса. Аркенаар выдохнул, а потом прокричал, – Найти Саава, срочно!

В это время Миртаан незаметно вышел из капитанской рубки.

Саав с Идом проходили между секций с захваченными землянами. Таана осталась в их каюте, сославшись на недомогание, вызванное переизбытком кислорода, которым она надышалась на поверхности Земли.

– Какие они всё-таки разные, эти земляне, и по росту, и по сложению, по цвету кожи, даже говорят на разных язы-

ках, не то, что таланы. Всё же Творец большой выдумщик и оригинал, думал про себя Саав.

Ид шёл с ним рядом, весьма расстроенный и побледневший. Саав склонился к сыну. – Ты что, мой друг, совсем поникший? Тебе что, нехорошо? Может тебе вместе с мамой отлежаться?

Саав присел на корточки, и притянул к себе сына. – Я же совершенно не учитывал, как скажется всё это на таком молодом организме, как твой. Прости меня сынок, за то, что втянул тебя в наши взрослые дела.

Ид чувствовал, что сейчас раскиснет, и чтобы этого не произошло, и этого не видел отец, вырвался из его объятий. – Пап, да нормально со мной всё. Просто всё это, и смерть наших, и то, что эти люди ... Мы же забираем их из собственных домов. Это ведь неправильно. На нашем Таураане такого не было. Всего этого не было. Столько горя и боли не было. Ид был в полной готовности, чтобы расплакаться.

– Ну-ну, не раскисай, Ид. Это всё от адаптации. А в том, что это неправильно, – Саав тяжело вздохнул, – ты прав. Жаль, что не мы решаем это.

Мимо них прошла группа талан, и вдруг один из этой группы улыбнулся биохимику, и Саав улыбнулся из вежливости в ответ. Он уже привыкал, что его стали узнавать многие. Видимо, слухи об успешной вакцине и её создателе слишком быстро распространялись. Вдруг Сааву показалось, что его кто-то зовёт, он встал и осмотрелся по сторонам. Они

сейчас оказались около того отсека, в котором были пленные, с которыми они прибыли с Земли, и как раз сейчас его звал тот самый землянин, с кем он общался там, на Земле.

Это был Леонтий, подошедший к решётке. – Эй, зеленокожий, ты же обещал нам всё объяснить, или у вас не принято держать своё слово? Сколько нас будут держать здесь, и что с нами собираются делать дальше? Надеюсь, нас всё-таки не съедят? Или вы всё же предпочитаете человечинку?

Саав не знал, что сказать, и стоял со смущённым выражением лица.

Леонтий продолжал бушевать. – Что здесь, чёрт побери, происходит? Ты будешь говорить или нет?

В громкоговорителях корабля раздалось. – «Биохимик Саав, вы срочно нужны на капитанском мостике. Повторяю, биохимик Саав, вас срочно ожидают на капитанском мостике».

Саав повернулся к Иду. – Постой пока здесь, я сейчас схожу к капитану, и быстро вернусь. Всё, не грусти. Всё будет хорошо.

Леонтий заорал вслед уходящему Сааву. – Куда ты опять убегаешь, трус? Что ты от нас всё скрываешь? Леонтий изо всех сил стукнул по решетке, и обратил внимание на Ида. – Ну, чего ты на меня уставился, зеленокожий детёныш, чёртового отродье?

К решётке подошла Тэсия и внимательно посмотрела на Ида. – Ты ведь тоже понимаешь наш язык. Ты же понимаешь,

о чём мы тут говорим? Ну брось, я же вижу это. Ид смущённо отвёл глаза в сторону.

Это заметил и Леонтий. – Ага, он всё понимает, – глаза у Леонтия заблестели, и он вдавился в решётку. – Ну, тогда скажи хоть ты что-нибудь.

– Папа, не дави на него. Я сама у него спрошу. Тэсия прижалась к решётке. – Как тебя зовут? Меня Тэсия, а тебя, дай угадаю, молчун, наверное?

Ид слегка улыбнулся. – Нет, меня зовут Ид.

Девочка, почувствовав слабинку, начала напирать, – А кто вы такие? А что вы здесь делаете? А скоро нас отправят домой?

Ид не выдержал такой атаки вопросов. – А Тэсия на вашем языке случайно не означает «болтающая много»?

– Я из знатного римского рода, – обиженно отвернулась Тэсия.

Мальчик смутился. – Извини, я не хотел тебя обидеть. Насколько я понял из разговоров отца, назад домой вы уже не попадёте.

– Это твой отец? – удивилась Тэсия. – Как уже не попадём домой? – воскликнул Леонтий. Оба вопроса прозвучали почти одновременно.

Ид смутился. – Я не знаю с чего начать, потому что вам слишком многое придётся объяснять. В общем, мы прибыли сюда из очень далёких мест.

– Каких, к чёрту, далёких? – рычал Леонтий. – Я и сам

побывал на краю земли. Ты голову нам не морочь, скажи, откуда точно?

– Я же говорю, мы не отсюда. Мы прилетели к вам, – Ид замялся. – Как же вам это объяснить? Ну, мы прилетели к вам с очень дальней звезды.

– Откуда, откуда? Что ты, заморыш, мне тут голову морочишь? – заходился в бессильной злобе Леонтий.

– Так вы – наши ангелы-хранители? – радостно захлопала в ладоши Тэсия.

Ид пожал плечами. – Я не знаю, что это значит на вашем языке. Но я знаю одно, что мы теперь будем жить здесь, а вас переселяют на наше место.

Отец Дарион, который, поборов свой страх, подошёл к решётке, прислушиваясь к разговору, при последних словах Ида сел на пол. – Я так и знал, это ад. Нас всех переселят в ад.

Леонтий, повернувшись к дочке, насмешливо произнёс, – Вот тебе и ангелы-хранители. Потом до него стал доходить смысл сказанного, Идом. – Это что, вы теперь заберёте наши дома, поля, земли, и все мои виноградники? Да что вы о себе возомнили? Подождите, вот выйду я отсюда, и вы ещё познаете силу римской армии, – и он начал бить кулаком по решётке.

На капитанском мостике у Аркенаара. На связи был Таураан, и сейчас Амун внимательно слушала доклад Саава.

Учёный, оседлавший свою тему, был очень раскрепощён. – Вакцина оказалась действительно эффективной. По-

ка, конечно, есть ещё некоторый дискомфорт, связанный с чуть более высоким уровнем силы тяготения, но думаю, в течение времени наш костяк окрепнет, мышцы освоятся, и мы привыкнем к этим нагрузкам. Правда, есть ещё маленькие нюансы, в виде повышенного содержания кислорода в атмосфере, вследствие чего наблюдаются или головокружения или эйфория, но это тоже пройдет со временем. Думаю, это займёт период в несколько дней.

Амун расплылась в улыбке. – Это хорошие новости, Саав. Это самые лучшие новости, которые я слышала в своей жизни. Я очень довольна вами, Саав. Вы сделали великое дело, и я буду ходатайствовать перед Академией о присвоении вам профессорского звания. Нет, не надо благодарить меня. Это вся цивилизация талан должна благодарить вас. Вы даже не представляете, что вы на самом деле сделали.

Амун была в крайне хорошем расположении духа, и она повернула лицо к Аркенаару. – Ну, а теперь послушаем наших бравых парней, а то им тоже, видимо, не терпится рассказать о своих успехах. Я права, Аркенаар?

Аркенаар сделал вид, что не заметил шпильки в свой адрес. – Всё, что мы запланировали, Правительница, идёт, как надо. Все ключевые точки захвачены, защитный щит постепенно разворачивается. Но у нас есть и потери. Пока не могу точно озвучить цифру. Мы неоправданно много потеряли при высадке. Люди проявили чрезмерную агрессию при нашем появлении, но я об этом уже предупреждал вас, что

нам не стоит чересчур увлекаться миротворческой деятельностью.

Амун нахмурилась. – Потери – это плохо, но они были запланированы нами, если вы помните. Я отлично понимаю чувства местных жителей. Да и как они должны были реагировать, когда на их планету вторгаются чужие и отнимают у них всё? Я скорблю по всем погибшим, но наш общий долг позаботиться, чтобы все земляне благополучно попали на Таураан.

Саав не выдержал и вступил в разговор. – Да-да, я прошу вас, чтобы мы избежали ненужных потерь, как среди талан, так и среди этих несчастных землян. Не забывайте, что о том, как мы с ними поступим, будут знать все межгалактические пространства, а возможно, что и Творец. Мы же не хотим удостоиться печальной славы гефестиан?

Амун нахмурилась. – Что касается Творца, то он уже давно забыл о нашем существовании. А вот дурная слава гефестиан, пожалуй, нам и вправду не нужна. Правительница обернулась к командующему. – Аркенаар, расскажите, как происходит сортировка и транспортировка землян? Они уже оповещены о том, куда они направляются и что с ними происходит?

Командующий был готов к этому вопросу. – Все проходят медицинское освидетельствование на предмет инфекций и получают вакцинацию на адаптацию к таураанской экобиосфере и, думаю, уже сегодня первые партии специальными

транспортными модулями отправятся к вам, на Таураан. А насчёт оповещения и разъяснения, боюсь, что земляне просто не поймут и тысячной доли им сказанного. Они все и так находятся в состоянии очень большого стресса. А то, что они услышат, вообще приведёт их в состояние, близкое к критическому. Поэтому я считаю, что только по прибытии на Таураан с ними нужно обстоятельно беседовать.

Саав вмешался в разговор. – А я считаю, что нельзя держать людей в неведении, ибо именно это ведёт их к ещё большим переживаниям. Они должны и обязаны знать свою дальнейшую судьбу.

Амун прервала его речь взмахом руки. – Решение по переселению уже принято, Саав, и оно такое, какое есть. Верховный совет признал его оптимальным, и не только в первую очередь для нас, но также и для обитателей этой планеты. Надеюсь, мы не будем спорить по этому поводу, господин новоиспечённый профессор? А насчёт вопроса по посвящению в ситуацию, – Амун задумалась. – У каждого из вас я услышала свои резоны, и в них есть своя логика, но у меня нет чёткого ответа. Примите уже там сами решение по этому вопросу. Вам по месту видней. Ну, а мы тогда будем ждать первых переселенцев. И в последующем я жду от вас только позитивных новостей. Вы меня поняли, Аркенаар? Конец связи.

Эрдэнэ плохо помнила последствия вчерашней ночи. Этот вчерашний звездопад, вызванный то ли заклинаниями

бабушки, то ли ещё чем-то, в итоге обернулся появлением этих странных зеленокожих существ. Девочка помнила, как все начали падать на землю, как будто их внезапно поразил сон. Как Октай бросался на зеленокожих, когда они хотели подойти к ней, но она тоже очень захотела спать и дальше она уже ничего не помнила.

Очнувшись, она оказалась в какой-то неизвестной ей большой странной юрте, сделанной из какого-то странного материала, её голова лежала на коленях у бабушки, а рядом сидел Октай. Во рту было ощущение сухости, как в самый жаркий летний день в степи. Нестерпимо хотелось пить. Вокруг неё были её соплеменники, а в другой части сгрудились члены напавшего на них племени. Как только кто-то из чужаков приближался к ним, Октай сразу привставал и угрожающе хлопал крыльями на нарушителя условной границы.

Эрдэнэ с трудом разлепила губы. – Бабушка, а где это мы? И можно попить, очень хочется.

– Очнулась, милая? Бабушка провела рукой по ее волосам. – Я и сама не знаю, Эрдэнэ. Помню последнее, что ты обняла Октая и упала на него. А потом в меня что-то попало и я тоже, как и все, уснула.

– Бабушка, а это ты вызвала этих? – Эрдэнэ кивнула в сторону проходящих мимо их решетки, талан.

Бабушка усмехнулась. – Если бы я просила духов прийти нам на помощь, то вряд ли бы я просила, чтобы они выглядели вот так безобразно, как эти.

Тут Эрдэнэ заметила Тургэна, сидевшего в другом углу и неотрывно наблюдавшего за ними. – Бабушка, смотри, там этот, который на меня напал? Ууу, до чего же он противный. О, бабушка, – тут Эрдэнэ поразила догадка, – а не про это ли ты видела видения в своих снах?

Цэрэн нахмурилась. – Не переживай, он тебя не тронет. Он сейчас, как и мы, в плену у этих зеленокожих тварей. Много вчера полегло воинов и у нас, и у этих. А этого судьба, видать пощадила. Но ничего, он отсюда живым не уйдёт. За Долгоона он мне ответит. Эх, был бы у меня нож, пронзила бы ему сердце.

Шаманка погладила внучку по волосам. – А что до видений... Вот же ты вспомнила. Я уже и сама, признаться, про них забыла. А видать, сбылись-то они. Не потеряла, значит, твоя бабушка еще искусство опытной вещуньи, – с нотками торжества в голосе добавила Цэрэн.

– Бабушка, я пить очень хочу. Неужели нельзя никак достать воды? Эрдэнэ выпрямилась и села рядом с Цэрэн.

Цэрэн нахмурила брови. – Не ной. Думаешь, я не хочу? Сейчас что-нибудь придумаем. И нам надо как-то выбираться отсюда. Только я нутром чувствую, что нет сейчас под нами земли.

Эрдэнэ уставилась на бабушку. – Как это может быть? Мы что, уже на небе, среди духов? Мы что, уже умерли?

Старуха загоготала, – Если бы мы умерли, то не хотели бы так сильно пить. А ну, Октай, пойдём со мной, – шаманка

встала и подошла к входной решётке. Октай смешно, вприпрыжку, пошёл за ней. Эрдэнэ пошла за ними. Тургэн, всё время внимательно наблюдавший за этой троицей, напрягся и тоже встал с пола.

Цэрэн наклонилась вниз и о чём-то долго говорила на ухо Октаю. Беркут полуприкрыл глаза и казалось, что он готовится ко сну. Цэрэн распрямилась и начала чего-то ждать. Рядом с нею по коридору, не обращая никакого внимания на узников в отсеках, туда-сюда сновали таланы. Вдруг старуха, словно заприметив кого-то, начала резко и быстро говорить. Один из безразличных прохожих остановился и развернулся к старухе. Цэрэн продолжала говорить, зеленокожий мотал головой, показывая, что он ничего не понимает из этой болтовни. Потом Цэрэн начала показывать ему знаками, что она хочет выпить воды. Талан облегчённо кивнул, радостно улыбнулся и куда-то ушёл.

Тургэн понимал, что старуха ведёт какую-то свою игру и надо постараться быть к ней поближе, когда что-то произойдёт.

Вскоре вернулся талан с каким-то прозрачным сосудом для воды и подошёл к решётке, чтобы через неё дать воду старухе. Старуха покачала отрицательно головой, показав, что так она не сможет пить, и отступила пару шагов назад, а потом снова вытянула руки вперёд, показывая, что просит воды. Талан смотрел на неё, не понимая, что же она хочет. Он недоумённо опустил сосуд на землю и нажал на прибор-

ной панели код доступа. Решетчатая створка отошла в сторону. Он поднял ёмкость с пола и вошёл в отсек. В этот момент Октай с протяжным криком бросился на спину зеленокожему и талан от неожиданности упал на пол. Дверь оказалась открытой, секунду-другую в отсеке воцарилось замешательство, потом ближайшие к талану люди набросились на него, закрыв его кучей своих тел. Оставшаяся часть с криком вырвалась на свободу и, рассеявшись по лабиринтам и коридорам, принялась бежать прочь.

Старуха придержала Эрдэнэ, которая тоже поддалась порыву бежать вместе со всеми.

– Стой, сейчас их всех будут ловить, подождём чуть-чуть. Спустя минуту, выглянув наружу и убедившись, что в коридоре пусто, Цэрэн махнула головой Эрдэнэ. – Пора, – и они бросились бежать по закоулкам Ковчега. И тут Эрдэнэ заметила, что за ними увязался Тургэн, который держался в некотором отдалении, справедливо полагая, что только старуха сможет их вывести отсюда, а не это стадо безмозглых баранов, разбежавшихся кто куда.

В это время в другом углу Ковчега.

Когда Ид беседовал с пленниками, сзади к нему подошёл Миртаан. – Здравствуй, – сказал он, широко улыбаясь. – Тебя же зовут Ид? Меня послал твой отец. Он сказал, что он пока занят, и направил меня, чтобы я показал тебе, как управляться с транспортными челнами для переселенцев. Он сказал, что ты уже достаточно взрослый для решения серьёзных

задач. Вот можем сделать это, хотя бы на примере этой партии, – и он указал на отсек со знакомцами Ида. – И нам с тобой будет доверена честь отправить первые партии поселенцев на Таураан.

Ид продолжал слушать столь приятные речи Миртаана, которые так повышали его самооценку, когда неожиданно из перекрёстного коридора на них выскочила Эрдэнэ и, задев мальчишку, сбила его с ног, и тут же повалилась рядом с ним.

Следом за ней выбежала Цэрэн с Октаем на руках, а потом и Тургэн, а за ними тотчас появились вооружённые таланы. Они наставили на них оружие, и у беглецов теперь уже не было никакого выхода, и им пришлось покориться.

Таланы начали между собой переговариваться и препираться, но их прервал Миртаан.– Да какая разница. Засуньте их сюда, к этим, – он кивнул в сторону отсека Леонтия. Пленников затолкнули в камеру к остальным. Бруно, до этого ведший себя осторожно и пугливо, и которого Саав разрешил темнокожему мальчику взять с собой, привстал, принюхиваясь к новому запаху. Беркут, которого опустили на пол, замахал во всю ширину своих могучих крыльев и зло заклекотал на собаку. Бруно испугался, заскулил и бросился вглубь отсека, подальше от столь непонятного и злобного зверя.

Пленные с виллы Леонтия во все глаза разглядывали новоприбывших. Старуха, мужчина с большим припухшим

рубцом на лице, маленькая девочка, и все они с необычным разрезом глаз, и ещё какая-то неведомая им птица.

Хильдебальд подошёл поближе к беркуту. – У нас, на нашей земле, откуда я родом, есть похожие птицы. Но такую большую я вижу в первый раз. Откуда вы? – обратился он к Тургэну.

Тот привстал, посмотрел прямо в глаза вандалу, и сказал что-то отрывисто на своём языке.

Леонтий подошёл к ним. – Когда я был в скифских землях, а это очень далеко отсюда, так там появлялись эти люди. Они живут в ещё более далёких землях, где ещё не ступала нога римского солдата.

Хильдебальд усмехнулся. – Нога римского солдата не ступала ещё много куда. Туда, куда ступала нога храброго вандала.

Тут вступила в разговор Лидия. – Ну разве вы не видите, что он такой же пленник, как и все мы? Зачем приставать к нему с вопросами?

Хильдебальд с ехидцей ответил. – А, ну да, я и забыл, что у римлян все решения принимают женщины и мужчинам надо спрашивать сначала у них разрешения.

Леонтий схватил за локоть жену, и увёл её за собой в сторону. Промиус тоже с любопытством разглядывал птицу. Беркут уже успокоился, сложил крылья и сидел рядом со старухой, полуприкрыв глаза и повернув в её сторону голову. Старуха как будто что-то говорила, а он внимательно её слу-

шал.

Вдруг мальчик почувствовал, как на него смотрит рыжая девочка. Она смотрела на него с любопытством, не отрывая глаз. Промиус вначале отвёл глаза, но, когда он украдкой посмотрел в её сторону, она всё также продолжала на него смотреть. Потом она начала улыбаться, повернулась к старухе и положила голову на её колени. Промиус вдруг почувствовал, что все эти события его тоже порядком измотали и ему нестерпимо хочется спать. Воздух стал какой-то сладковатый и глаза стали слипаться, и он никак не может этому противиться. Мальчик повернулся к Ольдиху, чтобы сказать ему, что он немного поспит, и тут же уронил ему голову на плечо.

Через несколько минут в транспортный отсек для отправки модулей вошёл Миртаан с Идом и с ними десяток талан, везущих за собой парящие в воздухе переноски. На них лежали, объятые сном, земляне. Таланы брали с переносок бесчувственные тела и помещали их в криокамеры.

– А куда девать этих? – спросил один из рабочих, кивнув на собаку и птицу.

– На них решение о транспортировке не распространялось, – твёрдым тоном сказал Миртаан. – Зачем вы их сюда привезли? Отвезти их в отсек для мусора и утилизировать.

Ид воскликнул. – Нет, не надо! Это, наверное, их друзья. Я видел, что этот мальчик, – он кивнул на Неро, которого сейчас укладывали в криокамеру, был вместе с этим зверем.

Они точно были вместе.

Миртаан, резко убрав с лица злое выражение, тут же расплылся в широкой улыбке. – Ну конечно, раз они были вместе, то мы сделаем для них исключение. Кладите их тоже в криокамеры. Это все? Больше никого нет?

Один из подсобных рабочих кивнул. – Да, из того отсека это все, кто там был.

Миртаан улыбнулся. – Отлично. Идите и готовьте следующую партию для отправки. А я покажу сейчас моему другу, как надо задавать команду на отправку на приборной панели.

Они подошли к приборной панели, на которой находился пульт управления транспортного модуля. Миртаан запустил бортовой компьютер. – Вот здесь мы задаём конечный маршрут. Вот наша галактика, и вот наш Таураан. Мы выставляем эти координаты конечной точки, а дальше уже модуль поступает в автоматическое управление и самостоятельно прибывает в пункт назначения. Тебе всё понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.